

**ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНА
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ» И ПОДГОТОВКЕ
ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ И.М. ГРОНСКОГО
С СОТРУДНИКАМИ АРХИВА А.М. ГОРЬКОГО)***

Ил. 2. И.М. Гронский. 1926

Публикуемая ниже стенограмма представляет собой уникальный документ ушедшей эпохи: рассказ одного из главных участников подготовки Первого съезда советских писателей о том, как задумывался этот съезд, как готовился, а главное, как появился на свет термин «социалистический реализм», задавший направление политики советского руководства в области литературы и искусства на долгие годы существования советского государства. Литературный эмиссар И.В. Сталина Иван Михайлович Гронский много лет спустя в откровенной беседе с сотрудниками Архива А.М. Горького дает исчерпывающие

характеристики своим современникам — деятелям литературно-художественного процесса начала 1930-х гг., раскрывает механизмы влияния партии на литературу и искусство и ее руководства этими сферами, настаивая на решающей роли Сталина, который признавал значение работы с сознанием «инженеров человеческих душ», призванных заниматься пропагандой идеалов советской эпохи, определять общественные и нравственные ориентиры для советского народа.

И.М. Гронский (наст. фамилия Федулов; 1894–1985) принадлежал к поколению «тридцатилетних» партийных управленцев (как А.И. Стецкий, А.А. Жданов, А.С. Щербаков и др.), был публицистом, литературным и художественным критиком с поправкой на весьма специфическое экономическое образование в Институте красной профессуры. Родом из деревни Долматово Ярославской губернии, он рано лишил-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00436А «Ромен Роллан и Максим Горький: между литературой и политикой (по неопубликованным материалам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН и Фонда Р. Роллана Национальной библиотеки Франции)».

ся отца, революционно настроенного рабочего, погибшего в тюрьме. В наследство от отца ему достался псевдоним Гронский, под которым он вел нелегальную деятельность. В революцию Гронский пришел типичным для выходца из народа путем: уехал подростком на заработки в Петербург, работал у хозяйки «на побегушках», поваренком в ресторане, землекопом, грузчиком, слесарем на крупнейших петербургских заводах Лесснера и Зиверта, на заводе «Вулкан». События Первой мировой и гражданской войн, Февральской и Октябрьской революций, активным участником которых он был, привели его в партию РСДРП(б) (1918 г.), а сразу после окончания Института красной профессуры в Москве он был направлен на работу в правительственную газету «Известия». Своей стремительной карьерой Гронский был обязан собственной тяге к самообразованию и прекрасным организаторским способностям (а также по линии жены родством с В.В. Куйбышевым), однако довольно скоро он «сгорел» на этой работе, как это видно из его дальнейшей судьбы. Став заместителем ответственного редактора «Известий» И.И. Скворцова-Степанова в 1925 г., он после смерти Скворцова с 1928 по 1934 г. дважды возглавлял газету. Однако в 1934 г. по инициативе А.М. Горького этот пост Гронский уступил Н.И. Бухарину, чего Гронский Горькому не простил. Одновременно с 1928 г. он возглавлял журналы «Новый мир» (где печатал произведения Бориса Пастернака, Исаака Бабеля, Юрия Олеши, Осипа Мандельштама, Бориса Пильняка) и «Красная нива» (1931–1937 гг.).

В 1930-е гг. Гронский стал ближайшим доверенным лицом Сталина в области управления культурой и искусством и поначалу руководил работой Оргкомитета Союза Советских писателей (до середины 1933 г., затем на этом посту его сменил Горький). Из публикуемой стенограммы видно, как происходила подготовка к съезду, разработка генерального метода, выражающего политическую линию партии, поиски термина «социалистический реализм» (май 1932 г.) и какой вклад внес каждый из действующих лиц. Гронский был на «ты» с вождем и имел у себя дома телефон прямой связи с кремлевской квартирой Сталина: «О многом вождю докладывал Гронский, которому Сталин любил звонить поздней ночью». Впрочем, «в 1937 году тот его славно отблагодарил. Гронский провел в ГУЛАГе шестнадцать лет. И вышел оттуда убежденным сталинистом. Вернее, остался им»¹. Однако последнее утверждение неверно. Действительно, Гронский был арестован в 1938 г. и провел в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа более 16 лет. Из его мемуаров, увидевших свет только во время перестройки², видно, что Гронский пересмотрел свое отношение к Сталину и дает ему очень яркую и нелицеприятную характеристику, называя его Палачом. После XX съезда КПСС Гронский, вразрез с мнением Союза писателей СССР (А.А. Фа-

деева и К.М. Симонова), хлопотал о реабилитации репрессированных в сталинские годы писателей. В числе «возвращенных» им имен — имя расстрелянного в 1937 г. поэта Павла Васильева. Как бывший заключенный Гронский был отстранен от журнально-публицистической деятельности и работал в Институте мировой литературы Академии наук СССР младшим научным сотрудником. К этому периоду относится и публикуемая ниже стенограмма. В 1974 г. Гронского наградили Орденом Октябрьской революции — за активную общественно-политическую и научную деятельность.

В состав Оргкомитета по созданию Союза советских писателей («Комиссия Политбюро по литературным вопросам»), образованного 23 апреля 1932 г. по инициативе Сталина, вошли сам генеральный секретарь, Лазарь Каганович, Павел Постышев, Алексей Стецкий, Иван Гронский (рабочий председатель). Почетным председателем стал Горький. Ответственным секретарем был назначен В.Я. Кирпотин. Сталин считал, что настало время объединить разрозненные писательские силы в единую организацию под контролем партии и правительства. Подобные союзы предполагалось создать и в других областях искусства. Работа по подготовке съезда велась поначалу под руководством Гронского, который выполнял прямые указания сталинского Политбюро. По линии Оргкомитета Гронский имел указание Сталина убедить Горького вернуться на родину и возглавить Союз советских писателей. В этом же направлении вел переписку с Горьким А.Б. Халатов по линии Госиздата. 23 апреля было принято постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», а 25 апреля Горький приехал в Москву. Однако в первое время в работе Оргкомитета Горький активного участия не принимал. Приезд Горького был использован вождем для организации встреч с писателями и художниками на квартире у Горького на Малой Никитской улице, в неформальной обстановке, позволившей Сталину напрямую, без посредников, за бокалом вина выяснить настроения советской творческой интеллигенции и заявить о видах советского руководства на работу ее представителей и на создание единого творческого союза. Эти встречи 1932 г. имели определяющее значение в выработке политических и экономических программ и методов партийного руководства литературой и искусством. К анализу материалов этих встреч уже подступали исследователи (Л.В. Максименков, Б.Я. Фрезинский и др.)³, но должного внимания данные документы еще не привлекли. За скобками оставались воспоминания главных участников, в частности, Гронского, которые сегодня впервые увидят свет.

Гронский подробно рассказывает о своем разговоре со Сталиным, в ходе которого родился термин «социалистический реализм», пове-

ствуется от том, как Сталин отдал ему предпочтение перед терминами «пролетарский реализм» и «коммунистический реализм». Ход рассуждений Сталина воспроизведен Гронским в стенограмме. 23 мая 1932 г. Гронский в «Литературной газете» в своей статье «На собрании актива литкружков Москвы» впервые в печати употребил термин «социалистический реализм»: «Основное требование, которое мы предъявляем к писателям, — пишите правду, правдиво отображайте нашу действительность, которая сама диалектична. Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма».

Воспоминания Гронского представляют большой историко-культурный и литературный интерес. Кроме писателей, Гронский занимался и художниками, как это следует из второй части стенограммы. На его квартире часто собирались художники и писатели. Собирались у него и руководители партии. Журналист Дмитрий Мамлеев, в прошлом ответственный секретарь и заместитель главного редактора «Известий», в своих воспоминаниях о Гронском приводит несколько характерных эпизодов, о которых Гронский рассказывал уже в 1960-е гг. В частности, на одном из вечеров он оказался свидетелем такой сцены. Сталин был в хорошем настроении и часто поднимал бокал. К нему подошел Бухарин и сказал: «Коба, тебе больше нельзя». И тут Гронский заметил, как сверкнули глаза вождя: «Николай, запомни: мне все можно...»⁴

Жена Гронского Лидия, художница, рассказывает о случае, нашедшем отражение и в публикуемой стенограмме: «Самые большие вечера, на которых собиралось по 30–40 приглашенных, проходили в 1932–1936 годах. ЦК обязал Гронского сплотить творческую интеллигенцию — поддержать художников, писателей, поэтов. <...> У Ивана и Горького шел разговор о возвращении Бунина в Россию. Горький был за возвращение, Иван — резко против. Спор перешел почти в ссору. Присутствовать было очень неприятно. <...> Когда возвращались в Москву, я сказала Ивану, что напрасно он спорит с Горьким, тем более, что у него уже все согласовано со Сталиным. Иван был очень усталый и, не объясняя мне почему, ответил: “Так надо”. А через несколько дней у Горького собрались Сталин, Ворошилов, Молотов и Гронский. Горький стал жаловаться, конечно, шутя, на Ивана, что опять поссорились. Причина была в том, что в литературе было бы два центра, и неизвестно куда бы потянулись писатели — к Алексею Максимовичу или к Бунину. Это Иван сказал Сталину, конечно, не за столом. “Мы с вами проводим один день в неделю у Алексея Максимовича, а тогда придется отдавать не один день, а несколько”. <...> Как-то Иван говорил, что возглавлять литературу, так же, как и другие виды искусства, должен не литератор или живописец, а партийный работник, организатор, что, мол, не надо отрывать от дела специалиста, он там, в своем творчестве нужнее»⁵.

В публикуемой стенограмме Гронский упоминает, что Сталин знал о «сплетнях» вокруг пристрастия самого Гронского к алкоголю. В письме к Сталину 1933 г. он писал о специфике своей работы в среде творческой интеллигенции: «В заключение я хочу затронуть другой вопрос, связанный с вопросом о так наз. пьянках. Дело в том, что за последние годы я ввязался в большую работу среди интеллигенции, в работу для меня не совсем привычную и чрезвычайно трудную. У меня установились связи с сотнями людей из среды интеллигенции. Многие из них бывают у меня, у многих из них я бываю, все они обращаются ко мне со всякого рода просьбами, приходят посоветоваться, звонят по телефону, пишут письма и т. д. и т. п. Это — своеобразная, большая партийная работа, которая нигде и никем не учитывается, но которая меня буквально выматывает. Я подсчитал как-то телефонные звонки, и получилось, что в день я подхожу в среднем от 100 до 200 раз к телефону. Можно было бы не подходить к телефону, но ведь эта публика страшно обидчивая. Не подойдешь к телефону, не зайдешь в гости к кому-либо или если время от времени не пригласишь к себе, — обидятся эти люди, и обиды эти, к сожалению, очень легко переходят на партию и на советскую власть, не говоря уже о литературных организациях. Кроме того, все они грызутся между собою, интригуют, сплетничают, льстят, пытаются сколотить в своих интересах всякого рода беспринципные группы и группочки. Во всем этом нужно разбираться, быть в курсе всей этой мышиной возни и гнуть, гнуть свою линию, не портя отношений с каждым из писателей и художников, но и не уступая им ни в чем. Я еще никогда не вел такой трудной и такой дьявольски сложной работы. А так как на эту работу я поставлен партией и срыв на этой работе будет в какой-то мере ударом по партии, я делаю все, отдаю все, что имею, не жалея ни здоровья, ничего для того, чтоб это поручение партии выполнить, и выполнить возможно лучше. Я знаю, что на этой работе провалились такие люди, как Воронский (редактор “Красной нови”. — М. А.-В.), Полонский (редактор “Нового мира”. — М. А.-В.) и рапповцы, специально занимавшиеся литературой и искусством в течение ряда лет. У них были накопленные годами знания в этой области. У меня этих знаний нет. Я вынужден по ходу изучать предмет, знакомиться с текущей литературой и всей этой штукой руководить, имея еще на своих плечах газету и ряд других нагрузок.

Может быть, я плохо выполняю работу среди интеллигенции, может быть, я не гожусь для этой работы, тогда нужно заменить меня другим работником, но работу эту надо вести, т. к. эта работа есть, по сути, борьба за интеллигенцию. Если мы не поведем за собой интеллигенцию, поведет ее за собой враг. Это я чувствую буквально на каждом шагу.

Я прекращу всякие пьянки, но встречаться с представителями интеллигенции я должен и вести работу среди них обязан. Выпивать я не буду совершенно, но уничтожит ли это сплетни, которые создаются буквально на каждом шагу? Думаю, что это сплетни не уничтожит. На сплетни я никогда и никому не жаловался, но когда они превращаются в метод борьбы, о них нужно сказать»⁶.

Этот образец самохарактеристики Гронского имеет прямое отношение к представленной стенограмме, где воспроизводится эпизод с провокационным разговором по этому поводу между Сталиным и Гронским, произошедший во время их встречи 26 октября 1932 г.

Выполнение партийных заданий, имевших своей целью оказать влияние на творческую интеллигенцию вышеописанными методами, не прошло даром для здоровья Гронского: он заболел и некоторое время не мог работать, серьезно лечился. Однако еще до болезни, в 1933 г., Гронский передал руководство подготовкой Съезда Горькому, ради этого оставившему берег Сорренто и наконец-то вернувшемуся в СССР. Немалую роль сыграл и тот факт, что Горький возглавлял редколлегии 14 советских журналов, большая часть которых была им самим и основана. Горькому при подготовке съезда Сталин шел на уступки, поддерживал его издательские проекты, так как рассчитывал на его лояльность по отношению к политике советского руководства.

Из стенограммы следует, что Гронский неоднозначно относился к личности Горького, для возвращения которого в СССР были использованы все средства, начиная от выплаты долгов Госиздата по гонорарам и кончая государственным празднованием юбилея литературной деятельности писателя в 1932 г. с присвоением его имени Нижнему Новгороду, Тверской улице в Москве, Московскому художественному театру, самолету-гиганту и т. д. Гронскому Горький представляется излишне честолюбивым, претендующим на единоличное руководство советской литературой. Он с осуждением отмечает связь Горького со «старыми большевиками», в скором времени оказавшимися в опале: Бухариным, Л.Б. Каменевым и К.Б. Радеком. Для него они всегда в опале, так как мыслят и действуют иначе, чем он. Это несовпадение установок вызывало раздражение партийного функционера (в стенограмме приведен презрительный отзыв Гронского о Бухарине, Радеке, их докладах на Первом съезде писателей). «Тридцатилетние» выдвиженцы не обладают ни культурой, ни кругозором тех, кем они пытаются руководить. Но тем не менее Гронский уверенно «выправляет» доклад Луначарского «О социалистическом реализме» для выступления на Пленуме Оргкомитета, требует от Бухарина «отказаться» от своего доклада о поэзии на Первом съезде писателей, выставляет за дверь плачущего Горького, плохо усвоившего урок. Никакого пиетета к Горькому Гронский не испытывает.

Ил. 3. И.В. Сталин и А.М. Горький. 1931

Публикуемый уникальный документ воссоздает историю советской литературы в ее связи с идеологией и политикой, с партийным руководством литературой и искусством. Создание Оргкомитета ССП в 1932 г., Первый съезд в 1934-м, довоенные пленумы правления, совещание в ЦК в марте 1938-го, наконец, разгром ленинградской «Звезды» в 1946-м стали звеньями цепи событий и кадровых эпизодов: «Коллеги — историки и литературоведы давно поняли, что без хронографа сталинского сценария реконструкция или расшифровка истории советской литературы окажутся неполными»⁷.

Интересно в этой связи свидетельство Кирпотина об атмосфере встреч на квартире Горького, которое проясняет особую политическую «режиссуру» этих вечеров: «Мне кажется, что не только слова, но и позы продумывались Сталиным. <...> Сталину было чрезвычайно ин-

Ил. 4. На Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. Москва, Колонный зал Дома Советов

тересно наблюдать происходящее на этих двух вечерах (20 и 26 октября 1932 г. — М. А.-В.) у Горького. Фактическим хозяином собрания и всего того, что здесь происходило в течение этих двух вечеров, был сам Сталин. Он занимал гостей, руководил «пиром», проносил тосты. Но вместе с тем он не пропускал ни одной тонкости, ни одной

черточка. Все замечал и все откладывал в своей памяти. Просто удивительно, как он на все успевал реагировать, иногда почти незаметно, иногда подчеркивал жестом, что видит и понимает. <...> Горький был загипнотизирован Сталиным не меньше нас. Было видно, что с отдельными штрихами и деталями он не был согласен. И тогда он хмурился,

покашливал, словно хотел что-то возразить. Но так ни разу ничего не сказал, не решился»⁸.

В стенограмме мы также наблюдаем эту подмену: главным героем повествования Гронского постепенно становится Сталин. В своих мемуарах он объяснил этот феномен: «Сталин — гениальный артист. Талант мгновенного перевоплощения был у него поистине шалашинских масштабов. Вот, например, беседует Сталин с человеком. Ласков, нежен. И улыбка, и глаза — все искренне. Придаться не к чему. Провожает его до дверей. И уже через несколько секунд совсем другое выражение лица. Говорит: “Какая сволочь!” — “Товарищ Сталин, вы же только что другое говорили”. — “Надо было подбодрить, чтобы работал”. Так же артистически он разыгрывал дружбу с Горьким, на самом деле не доверяя ему. Это была очень тонкая игра. Удивительно: Горький — писатель, “инженер человеческих душ”, казалось бы, сама профессия подразумевает знание человеческого характера, но Сталина, на мой взгляд, Горький так и не смог раскусить»⁹.

Неформальные встречи Сталина с писателями у Горького, на которых формировались и были опробованы основные политические решения в вопросах управления сферой литературы и искусства — интереснейшая и еще мало исследованная тема истории советской литературы. Публикуемая стенограмма — важнейший исторический источник, значение которого трудно переоценить. Она печатается по машинописи, хранящейся в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН (АГ. МОГ. 3-25-7. 33 л.). Текст стенограммы приводится в оригинальной орфографии и пунктуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Громов Е. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. С. 95, 151; см. также: Торчинов В.А., Леонтьев А.М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

² См.: Гронский И.М. Из прошлого. М.: Известия, 1991. 363 с.

³ См., напр.: Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. №4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/4/maksim.html> (дата обращения: 02.09.2017); Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди. М.: Эллис-Лак, 2008.

⁴ Мамлеев Дм. Сталин — Гронскому: «Не лезь не в свое дело!». URL: <https://iz.ru/news/315401> (дата обращения: 03.02.2017).

⁵ Гронская Л.А. Наброски по памяти: Воспоминания / Сост. С.И. Гронская. М.: Флинта, 2004. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1027> (дата обращения: 03.02.2017).

⁶ Цит по: Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие.

⁷ Там же.

⁸ Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006. С. 201–202. (Сер. «Биографии и мемуары»).

⁹ Гронский И.М. Из прошлого. С. 152.

Стенограмма беседы И.М. Гронского с сотрудниками Архива А.М. Горького 30 ноября 1963 года*

Сегодняшнюю нашу беседу мы посвятим вопросу о подготовке Первого съезда советских писателей и участию в ней Алексея Максимовича Горького.

Я не буду приводить общеизвестные материалы, напечатанные в истории советской литературы, в различных журналах и газетах. Да и все вы копались в архивах и, надо полагать, знакомы со всеми основными материалами, относящимися к этому периоду жизни Горького. Я буду прибегать к ссылке на материалы только в самых необходимых случаях, а главным образом расскажу о тех событиях, участником которых мне довелось быть.

Постановление ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций, принятое 23 апреля 1932 года, было по сути дела подготовлено всем развитием Советского Союза, в том числе и художественной литературы.

До 1932 года мы имели в литературе довольно большое количество различных организаций¹; не все они были одинаковы по своему составу, не все были одинаковы по своим устремлениям и не все они одинаково относились к нашей партии и советской власти.

Это разнообразие творческих организаций, которые существовали во второй половине 1920-х годов, в какой-то мере отражает состояние Советского Союза. Ведь дело в том, что, совершив восстановление народного хозяйства (это, примерно, относится к 1927 году), мы не устранили деления общества на классы — в Советском Союзе существовали не только рабочие и крестьяне, но существовали и эксплуататорские классы как в городе, так и в деревне. И период между 1928 и 1932 годом — это период развернутого наступления социализма по всему фронту, период строительства социализма. Он, собственно говоря, характе-

ризовался преодолением капитализма в экономике Советского Союза и в городе, и в деревне, это был период ликвидации эксплуататорских классов и в городе, и в деревне — в торговле и промышленности в городе и кулачества в деревне.

К 1932 году социализм одержал окончательную победу: эксплуататорские классы были ликвидированы, крестьянство, трудящееся, в основной массе вошло в колхозы, было коллективизировано. Таким образом, враждебных классов в Советском Союзе фактически уже не существовало².

К тому времени кончились колебания основной массы старой интеллигенции. Кстати сказать, интеллигенция за время революции прошла через несколько этапов развития. Первый этап — это почти всеобщий саботаж советской власти со стороны интеллигенции. Нас саботировала в 1917 [году] и в начале 1918 года почти вся интеллигенция. За редкими исключениями интеллигенция советской власти не признавала. В это время и писатели, в подавляющем большинстве старые писатели, были настроены к советской власти весьма отрицательно, в лучшем случае — скептически.

Затем наступил второй период, когда интеллигенция пошла работать с советской властью — одни принимали советскую власть как неизбежное — хочешь-не хочешь, а надо работать и работали даже добросовестно. Другие пошли работать с советской властью с камнем за пазухой и везде, где только было можно, вредили советской власти. Так что переход от саботажа, от непризнания советской власти к борьбе с советской властью, в другой, правда, форме, это был переход к вредительству³.

Вредительство заняло довольно большой период в истории развития советского общества, и только в конце 20-х — начале 30-х годов, точнее, в самом начале 30-х годов, основная масса интеллигенции повернула в сторону советской власти.

Я здесь сошлюсь на один пример из моей практики.

Мы столкнулись в конце 20-х — начале 30-х годов с одним очень любопытным явлением: вредителей, как правило, было немного. Скажем, на заводе 100 человек инженеров, а вредителей всего пять человек. А раскрыть их мы не можем. В чем же дело?

По предложению ЦК, я занимался исследованием этого вопроса. Очень много материалов пришлось изучать, и вот я пришел к такому выводу: вредительство на наших предприятиях, в сельском хозяйстве, на транспорте по сути дела становится возможным благодаря нейтралитету интеллигенции. На главах у всех подвизаются вредители, а окружающие их люди молчат — они считают неударным, неэтичным доносить на своих товарищей по ремеслу, они сами не принимают участия

во вредительстве, но и не разоблачают вредительство — занимают нейтральную позицию.

Когда результаты этих исследований я изложил в передовой статье «Известий» (статья так и была названа — «О нейтрализме»), статья эта наделала много шума. ЦК ее поддержал, правительство поддержало, и это позволило нам поставить вопрос о ликвидации нейтрализма в среде интеллигенции. Пришлось именно сюда перекосить все внимание партии — на ту часть интеллигенции, которая поддерживала советскую власть, и нам сравнительно быстро удалось сломать нейтрализм интеллигенции, и тогда вредительство было сразу разоблачено, и уже не составило большого труда для нас сломать вредительство.

Это было, примерно, в 1931 году.

Нечто подобное наблюдалось и в среде художественной интеллигенции: под разными предложениями, под разными флагами писатели стремились занять нейтральную позицию, они не оглашали своего отношения к советской власти. Тут были разные писатели — и крупные писатели, и писатели не особенно видные. Их было довольно много. Я укажу только на некоторых из них.

Скажем, такой поэт большого мастерства, как Н<иколай> А<лексеевич> Клюев. Он явно занимал антисоветскую позицию. Он вел работу в среде художественной интеллигенции, особенно среди молодых поэтов, разлагал их самым настоящим образом. Клюев дошел до того, что пошел на паперть церкви, которую посещали иностранцы, и стал на паперти с протянутой рукой: помогите поэту Клюеву.

Когда я об этом узнал, я вызвал Клюева к себе и предложил ему работать с советской властью. Он согласился, поехал в деревню, прислал нам оттуда поэму, которую напечатать было нельзя. Ему давали паек, давали денег, однако перетянуть Клюева на позиции советской власти мы не смогли и должны были выслать его из Москвы⁴.

Вот это один персонаж из художественной интеллигенции.

Другой человек, другого порядка, другого склада, это Сергеев-Ценский⁵.

Как-то на даче у Горького в Горках Алексей Максимович обратился ко мне с предложением сломать Сергеева-Ценского. Вот, говорит, сидит в Крыму, в берлоге, не признает советской власти. Вызовите его, сломайте, Вы это умеете делать. Присутствовавшие при этой беседе Сталин⁶, Молотов⁷ и Ворошилов⁸ поддержали Горького. Условились, что Алексей Максимович вызовет Сергеева-Ценского и направит его ко мне.

И вот ко мне приходит мрачный Сергей Николаевич. Я говорю ему: «Другой власти, кроме советской, не существует, с этой властью надо работать». Он говорит: «Я не привык врать в литературе». Я говорю:

«Кто от вас требует вранья? Давайте условимся: поезжайте куда хотите, в любой город или деревню, и то, что Вы напишете, я напечатаю, не читая». Сергеев-Ценский поехал в Харьков, написал несколько вещей, я сдал их в набор, не читая. Он говорит: «Не прочитаете?» Я говорю: «Зачем я буду читать? Вы ведь правду написали!».

Выступая на собрании писателей (я на этом собрании не был), Сергеев-Ценский описал этот эпизод, говорил, что он сидел в Крыму, не признавал советской власти, а Гронский бросил его в жизнь. «И я ему земно кланяюсь», — сказал он.

Третий персонаж — Б<орис> Л<еонидович> Пастернак. Крупный мастер поэзии, правда, декадент. Он был далек от политики, занимал нейтральную позицию, как и другой поэт — Мандельштам, тоже очень крупный мастер.

Я пошел на такой маневр: в числе писателей, посланных тогда на строительство Магнитки, включил и Пастернака. И он довольно долго прожил на строительстве Магнитогорского комбината, и это столкновение поэта с народом повлияло на Бориса Леонидовича, и он восторженно говорил о подвигах рабочих-строителей Магнитки⁹.

Я мог бы привести еще множество примеров и враждебного отношения писателей к советской власти, и нейтрального, и какого хотите.

Так что видите, тогда в литературе не было единодушия, не было такого положения, когда все единодушно высказывались бы за политику партии, за советскую власть и т<ак> д<алее>.

В литературе, как и в нашей промышленности, шла борьба, и поворот всей массы интеллигенции в сторону советской власти захватил и художественную интеллигенцию. Андрей Белый, Пришвин, Сергеев-Ценский, Клычков, Пастернак, Мандельштам и многие, многие другие все чаще и все определеннее стали выражать свое положительное отношение к советской власти¹⁰.

Следовательно, обстановка в стране резко изменилась: позиция интеллигенции, настроение интеллигенции, отношение интеллигенции к советской власти изменились, изменилось и отношение к советской власти писателей.

Ошибка рапповцев¹¹ на этом этапе развития — в 1931–1932 годах — заключалась в том, что они не учли этих сдвигов в обществе, не учли поворота интеллигенции в сторону советской власти. Они задержались на старых позициях, и они тормозили развитие положительного процесса, который наметился в нашем обществе.

ЦК пытался повернуть рапповцев лицом к поворачивающейся к советской власти интеллигенции, но ничего не вышло — пришлось принять решение о перестройке литературно-художественных организаций.

Это решение появилось не сразу, оно медленно подготавливалось, созревало постепенно, причем Горький неоднократно говорил о желательности объединения всех творческих писательских организаций.

Я помню беседы с Алексеем Максимовичем в 28-м, 29-м, 31-м годах¹². Он говорил, что было бы хорошо все писательские организации объединить, что это объединение дало бы возможность расширить влияние коммунистов и советски настроенных литераторов на всю писательскую массу.

Но тогда это провести было нельзя — обстановка не созрела для такого решения. Условия для объединения литературных организаций создались только в результате выполнения первой пятилетки и победы социализма в нашей стране.

После опубликования постановления ЦК о перестройке литературно-художественных организаций руководство РАППа заняло позицию, я бы сказал, борьбы против этого решения ЦК. Рапповцы пытались добиться пересмотра этого решения ЦК, если хотите, ревизии постановления ЦК¹³.

После постановления все писательские организации приняли решение: написать обращение¹⁴ ко всем писателям Советского Союза, в котором они приветствовали решение ЦК о ликвидации РАППа и создании Оргкомитета писателей. Все организации, включая «Перевал»¹⁵, подписали это обращение. Единственная организация, отказавшаяся подписать его, это была рапповская организация. Она не только отказалась подписать обращение писательских организаций ко всей массе писателей Советского Союза, но руководство РАППа подало заявление в ЦК, в котором оно выражало свое недовольство и несогласие с решением ЦК.

Поскольку проведение в жизнь постановления ЦК задержалось, Политбюро создало комиссию для рассмотрения заявления РАППа. В комиссию входили: Сталин, Каганович¹⁶, Стецкий¹⁷, Постышев¹⁸ и я. При этом было сказано, что если в комиссии не будет разногласий, то считать решение комиссии решением ЦК.

В тот же день позвонил мне Сталин и просил зайти к нему. Я зашел к Сталину, он сидел и читал заявление рапповцев. Он спросил, как я отношусь к этому заявлению. Я прямо ответил, что отношусь отрицательно, что в этом заявлении я усматриваю стремление рапповцев обривизовать решение ЦК. Поэтому претензию рапповцев надо категорически отклонить.

На это Сталин сказал, что организационные вопросы Центральным Комитетом решены, пересматривать их мы не будем. А вот что надо решить, так это творческие вопросы, в частности, вопрос о творческом методе¹⁹.

И Сталин, и я — мы оба согласились с тем, что творческий метод РАППа неприемлем, что нельзя переносить механически метод философии на литературу и искусство. Но если мы снимем творческий метод рапповцев, то что мы дадим?

Тут была очень длительная беседа. Я не передаю сейчас содержание этой беседы, оно изложено в моем письме к Л.И. Тимофееву²⁰, я передам это письмо в архив, и вы можете его прочитать. Но итог этой беседы, свое высказывание я заключил следующим: рапповский диалектический творческий метод не выражает существа советской литературы, писатели его не понимают, я предложил бы творческий метод, сформулированный так: пролетарский социалистический, а еще лучше коммунистический реализм. В этом определении мы подчеркнем два момента: классовую природу советской литературы и укажем литературе цель — борьбу.

Сталин слушал меня внимательно. Когда я кончил, он спросил: кто разрабатывал рабочую тематику до революции?

Беседа приняла непринужденную форму. Сталин мне говорил об отдельных произведениях... «Вы правильно указали, — говорил он — на классовый характер советской литературы и правильно включили указание на цели нашего движения. Но вот у меня возникает сомнение: стоит ли подчеркивать пролетарский характер нашего [художественного метода]... *(читает)*

Надо ли это особо оговаривать? Я думаю, нужды в этом нет. Указание на цель движения: коммунизм — тоже правильно, но сейчас мы не ставим вопрос о переходе от социализма к коммунизму. Эта задача встанет перед партией как практическая задача, но произойдет это не скоро. Указывая на коммунизм как на практическую цель, Вы забегаете вперед. Как Вы отнесетесь к тому, если мы творческий метод литературы и искусства назовем социалистический реализм? Достоинства этого определения: краткость, понятность и указание на преемственность советской литературы[»] *(читает)*.

Я не настаивал на своей формулировке, ибо формулировка Сталина казалась мне более удачной.

Этот разговор продолжался больше двух часов. Я заметил: ребенок родился давно, а имя ему даем только сейчас²¹.

Сталин предложил мне выступить на комиссии²² с заявлением о творческом методе РАППа, заявить, что партия не поддерживает этот метод, считает его ошибочным и предлагает метод социалистического реализма. Я сказал, что будет авторитетнее, если на Комиссии выступит Сталин.

После разговора со мной Сталин беседовал с Постышевым, со Стецким.

Руководители РАППа ставили два вопроса: о существовании в едином союзе писателей самостоятельной секции рапповцев и об утверждении диалектического творческого метода как единого творческого метода.

От Комиссии Сталин выступал 10–15 раз, я — 4 раза, Стецкий — 2 раза, Каганович молчал.

По первому вопросу рапповцы уступили довольно быстро, по вопросу о творческом методе они спорили довольно долго, но в конце концов удалось убедить рапповцев: они признали свой творческий метод ошибочным и приняли предложение комиссии, то есть приняли творческий метод: социалистический реализм.

Это было примерно 11 мая.

После заседания комиссии я информировал о своей беседе со Сталиным и о заседании комиссии своих товарищей по Оргкомитету, затем — руководящих редакционных работников «Правды», «Известий» и «Литературной газеты».

Затем — 20 мая 1932 года, то есть через 9–10 дней после заседания комиссии Политбюро, мне пришлось участвовать в заседании актива литературных кружков. Я свое выступление посвятил методу советской литературы. Вот что я говорил: *(цитирует, записано приблизительно)* «До последнего времени писали очень много деклараций, много разговаривали о методе, было очень много группочек и... Вопрос о методе надо ставить не абстрактно... Основное требование, которое мы предъявляем писателям: пишите правду, правдиво отображайте нашу действительность. Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма» («Литературная газета», 23 мая 1932 г<ода>).

Это было первое упоминание о методе социалистического реализма в советской печати. Во всей моей речи (этот отчет моей речи завизирован мною) нет ни одной ссылки на Сталина, нет даже упоминания его имени. Это подтверждает, что формулировка «метод социалистического реализма» не принадлежит Сталину — она создавалась коллективно партией, и приписывать авторство кому-либо было бы ошибкой.

К сожалению, потом стали приписывать создание метода социалистического реализма Сталину, причем относили первое выступление по этому вопросу на совещании у Горького к 26 октября.

Как видите, впервые в печати это упоминается 20 мая, а в газете 23 мая. Затем об этом сказано в передовой статье «Литературной газеты» от 29 мая, а что касается 26 октября, то о социалистическом реализме тогда и речи не было.

Откуда же собственно возникла ошибка? Почему именно Сталину приписывалась формулировка: метод социалистического реализма, и почему относили эту формулировку к его выступлению 26 октября?

Дело в том, что о заседаниях — точнее, о совещаниях — руководителей партии и правительства с деятелями литературы, происходивших у Горького на квартире, написал воспоминания Зелинский²³. Я эти воспоминания читал. Зелинский свел три-четыре таких совещания в одно и приписал все Сталину. Я ему указывал на этот недостаток его воспоминаний. Я говорю: «Почему Вы указываете 26 октября?» Он говорит: «Я свел в одно все совещания, отсюда и возникло ошибочное толкование или, вернее говоря, датирование формулировки: метод социалистического реализма».

Вы знаете эти воспоминания Зелинского — мне не надо их приводить. Романовский в своей статье в книге «О политике партии в литературе и искусстве» говорит, что был такой разговор о методе социалистического реализма 26 октября.

Сейчас, очевидно, придется пересмотреть и датирование, и авторство, и все прочее.

Скажу только одно, что, собственно говоря, и литература социалистического реализма, и метод социалистического реализма в литературе сложились задолго до революции в художественных произведениях Горького, и если кому-нибудь и приписывать метод социалистического реализма, то только Горькому. Это будет справедливо.

Я об этом и пишу в своем письме Л<еониду> И<вановичу> Тимофееву.

Теперь о совещаниях на квартире у Горького.

Их было четыре. Даты двух совещаний²⁴ мы можем установить точно, даты двух других совещаний мне пока точно установить не удалось.

Насколько я помню, первое совещание у Горького было во второй половине мая, на нем присутствовали от ЦК Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Стецкий. Писателей было немного, по-моему, только коммунисты: Гладков, Павленко, Фадеев, Панферов и кто-то еще²⁵.

На этом совещании речь шла о ликвидации групповщины. Надо было ломать групповщину, создать единую фракцию в едином Союзе писателей, установить правильные взаимоотношения между коммунистами и беспартийными писателями, не командовать беспартийными писателями, а терпеливо работать с ними, помогать им разобраться в сложной обстановке тех лет, помогать им перейти на позиции советской власти и повести их к партии.

Вот одна из важнейших задач, которая стояла тогда перед Оргкомитетом, и этой задаче и было посвящено это совещание у Горького.

Выступил Сталин, коротко Алексей Максимович, Стецкий выступил, я выступил, из писателей выступало 2–3 человека. На этом сове-

щании говорили не только о групповщине, но и о методе социалистического реализма. Это было во второй половине мая, причем говорилось в тех самых выражениях, в тех самых словах, которые употреблялись в беседе со Сталиным накануне комиссии и на комиссии.

Это было первое совещание, причем это было единственное совещание на квартире у Горького с писателями, на котором присутствовал Каганович — на всех последующих совещаниях Кагановича не было.

Второе совещание происходило в конце июня — начале июля. Там присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов. Писателей было больше, чем на первом совещании.

На этом совещании Сталин выступил два раза и впервые употребил выражение, вошедшее потом в обиход: «Писатели — инженеры человеческих душ»²⁶. Это было на втором совещании на квартире у Горького.

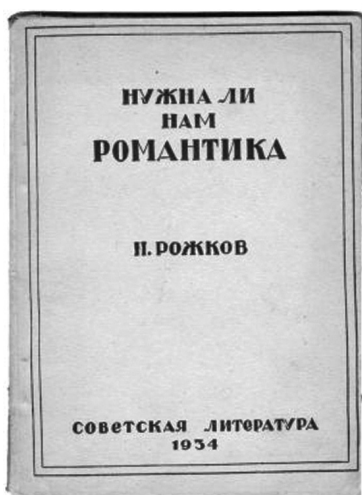
Третье совещание состоялось 12 августа, присутствовали те же люди. Это было очень многочисленное совещание; от одного совещания к другому нарастало количество участников совещания: если на первом совещании писателей было человек 7–8, на втором — человек 10, то на третьем — человек 25 писателей, а на четвертом — человек 30, а может быть, даже и больше.

На этом собрании Сталин выступал дважды: один раз более пространно, другой раз — коротенько.

Он начал свое выступление словами: «Читали ли вы напечатанную в “Известиях” статью Рожкова “Нужна ли нам романтика?”[.]»²⁷ С этого вопроса, обращенного к писателям, Сталин начал свое выступление.

Статья Рожкова напечатана 12 августа, следовательно, совещание состоялось 12 августа. Статья Рожкова в «Известиях» существует, она направлена против рапповских критиков, в частности, против Фадеева, ставится вопрос: признавать или не признавать романтику.

Сталин так сформулировал: да, нам романтика нужна, надо дополнить метод социалистического реализма другим методом, вспомогательным,

Ил. 5. В 1934 г. вышла книга П.Д. Рожкова с тем же названием

который войдет в метод социалистического реализма, это метод революционного или красного романтизма. Почему нужен нам романтизм? Без взгляда в будущее, без перспективы работать нельзя. Тут он ссылался на Ленина, на то, что Ленин говорил о Писареве²⁸.

Вот это выступление Сталина кладет как бы конец спорам и разговорам о романтизме, приемлем романтизм или нет. После этого выступления Сталина споры о романтизме фактически прекратились. Писатели единодушно выступали за принятие романтизма. Некоторые говорили, что это второй метод советской литературы, существующий наряду с социалистическим реализмом, другие включали революционный романтизм в метод социалистического реализма, третьи считали, что это вспомогательный метод и т.<ак> д<алее>.

После этого совещания у Горького я несколько раз беседовал на эту тему со Сталиным, не только с ним одним — в этих разговорах принимали участие Молотов, Стецкий, Постышев — и установилось такое мнение, что революционный романтизм, социалистический романтизм входит в метод социалистического реализма,

Ил. 6. Л.М. Каганович, И.В. Сталин, П.П. Постышев, К.Е. Ворошилов. 1934

точнее говоря, социалистический реализм включает революционный романтизм, который как бы расширяет границы метода социалистического реализма.

На этом совещании у Горького был и другой вопрос — там встал вопрос о быте писателей.

Когда кончилось заседание, накрыли стол, беседа шла непринужденно, появилось вино и все, что бывает в таких случаях. Сталин подходил то к одному писателю, то к другому. Он подошел к Леонову²⁹ и спрашивает, как живете, как работаете, не нуждаетесь ли в чем либо? Леонов ответил, что все как будто хорошо обстоит — и работать легко, и отношение к писателям нормальное, никто не дергает, не теребит, по голове не бьют, не командуют, но плохо то, что писатели живут плохо в отношении жилищных условий.

Сталин обращается ко мне: не можем ли мы дать писателям приличные квартиры и дачи? Я на это ответил, что Леонов прав, жилищная нужда очень большая, но удовлетворить в этом отношении писателей мы не можем. В текущем году получили 6 квартир и не могли получить ни одной дачи, дали квартиры Малышкину³⁰, Шагинян³¹ и кому-то еще.

Сталин: надо построить дома и дачи, хорошо бы целый поселок. Вы над этим не думали?

Я сказал, что не думал, но поставить этот вопрос — поставлю, не откладывая в долгий ящик.

Сталин: Напрасно Вы рассчитываете на москвичей, у них и так хлопот много. Вы сами займитесь этим делом. Этим делом должен заняться Оргкомитет — построить писателям дома и дачи. Это моя личная просьба.

Я передал этот разговор Горькому. Алексей Максимович на это реагировал, говорил, что квартиры и дачи нужны, и высказал пожелание о строительстве домов отдыха, даже в разных местах их строить.

Сталин в конце 1933 года вернулся к этому вопросу. Я зашел к нему по другому вопросу, а он спросил: «Мы договорились осенью о строительстве домов. Что сделано?»

Я сказал, что Оргкомитет ведет подготовку к строительству домов в Лаврушинском переулке и в Переделкине. Сталин одобрил эти планы и рекомендовал не жалеть денег, чтобы людям было хорошо и приятно жить.

Кроме вопроса о жилищах, мне было передано 600 академических пайков для поддержания писателей, ученых и художников и некоторое количество денег. Сталин все время тормозил меня, чтобы я денег не жалел. Я послал 10 т<ысяч> р<ублей> Васнецову³², 10 т<ысяч> р<ублей> Бак...*, Мешкову³³ и многим другим художникам, поддерживал писателей деньгами и академическими пайками, которые тогда были лучшими пайками в Москве.

Наконец, четвертое совещание. Оно представляет довольно большой интерес тем, что на этом совещании 26 октября пришлось резко столкнуться с Горьким, оно — это совещание — продемонстрировало вспышку групповщины.

Мы обычно сидели так: я справа от Горького, напротив — Сталин, по бокам — Молотов и Ворошилов. А здесь так получилось, что Горький сел в конце стола, вокруг рапповцы, напротив сели Сталин и Ворошилов, мы с Молотовым сели на другом конце стола.

На этом совещании было большое количество рапповцев: Афиногенов, Киришон³⁴, Фадеев и т<ак> д<алее>.

* В оригинале фамилия не дописана.

На этих совещаниях никто не выступал по бумажкам, обычно был просто разговор, и никаких бумажек на руках не было. А тут Алексей Максимович извлек написанную заранее речь, читал по-написанному. Это — единственный случай, когда на совещании с писателями он заранее написанную речь читал.

Перед рапповцами лежали вот такие папки материалов.

Я сразу почувствовал, что предстоит драка, и говорю сидевшему рядом Молотову: «Посмотрите, рапповцы приготовились к драке». Он улыбнулся. Я не хотел связывать ЦК ничем, поэтому разговор не продолжал.

Горький выступил с резкой критикой Оргкомитета. Он упрекал Оргкомитет в том, что он не занимается литературными кружками, что литературные кружки разваливаются по вине Оргкомитета, а все будущее литературы кроется в литературных кружках.

Выступление было резким и по содержанию, и по форме. Личных выпадов не было.

Я понял, что Горького накрутили рапповцы, что он попал в плен к рапповцам, что если сейчас тут же не дать отпор Горькому, то рапповцы поднимут головы и пойдут в атаку.

Несмотря на исключительно хорошие отношения, которые были у меня с Горьким, несмотря на всю любовь мою к Алексею Максимовичу, я сразу взял слово и очень резко критиковал его выступление.

Горький расплакался и заявил, что он уйдет с совещания.

Я на эту реплику Горького отвечал репликой, что уход с совещания — это не аргумент, это не доказательство его правоты, а, наоборот, доказательство его неправоты. Я употребил более резкое выражение: умеете слушать.

Обстановка была весьма напряженной. После выступления моего выступает Фадеев — он поддержал Оргкомитет. Горький берет слово и грубо, резко обрушивается на Фадеева. Фадеев отвечает репликами, сдержанно. Затем выступает... Горький, предлагает ввести в Оргкомитет рапповцев.

Берет слово Сталин. Он начинает словами: «Здесь нет надобности защищать политику Оргкомитета — она правильна, ее великолепно здесь обосновали, и нет нужды распространяться на эту тему. Остается предложение Горького о включении в Оргкомитет рапповцев[.]».

Сталин обращается ко мне: «Как Вы к этому относитесь?» Я говорю: «Я против».

— Может быть, Вы подумаете и согласитесь?

— Нет, я против, я не согласен с предложением Горького.

Сталин говорит: «Вот какое создается положение! Горький предлагает ввести в Оргкомитет рапповцев, а Гронский против».

Он обращается к Горькому: «Ставьте вопрос на голосование».

Вопрос ставится на голосование. Все голосуют «за».

Кто против? Поднимается одна моя рука.

Рапповцы во время этой перепалки почти не выступали и папок своих не открывали. Они сообразили, что если так резко критикуют Горького, то что же будет с ними! Поэтому они предпочитали молчать. Горького они настропалили, натравили на Оргкомитет, а сами в момент драки спрягались в кусты.

В статье Романовского (он копался в архивах, причем очень неудачно копался: там были очень ценные документы, он их не сумел использовать в книге, может быть, ему помешали опубликовать их, я не знаю) проскальзывает одна очень любопытная деталь. Он пишет: (*читает, записано приблизительно*): «Теперь противники молодой советской литературы могли в устной форме проводить подрывную деятельность. Они сплетничали, и здесь особенно отличался Авербах³⁵. Ему удалось довольно прочно втереться в доверие к Горькому и восстановить его против ряда ведущих членов Оргкомитета. Давая ложные сведения о деятельности Оргкомитета, Авербах требовал, чтобы Горький согласился на отсрочку съезда писателей. Этого Авербах добился: дважды переносилась дата съезда[»]³⁶ (*читает*).

В докладной записке на имя Сталина Стецкий писал: «Некоторые, особенно беспартийные, писатели сомневаются, будет ли съезд... Авербах прямо прилип к Горькому».

Это письмо Стецкого написал я.

Романовский продолжает уже от себя: «Под влиянием клеветнических доносов Авербаха на секретаря Оргкомитета Юдина³⁷ Горький долго не принимал Юдина... Горький скоро понял, что вокруг него действует группа интриганов и склочников[»] (*читает*).

Вот вам отрывок групповщины. Вот октябрьское совещание у Горького! (*здесь пропуск — Иван Михайлович просил не записывать*).

Алексей Максимович действительно понял, что его вовлекли в очень нехорошую игру.

Я сразу после окончания совещания хотел уйти. Там была пирушка, но я решил сразу уйти. Когда я был около вешалки, вышел Горький и говорит: «Куда?» Я говорю: «Поеду в "Известия"» Горький говорит: «Я Вас не пушу». И мы с ним в обнимку вернулись и сели за стол. Так был ликвидирован этот конфликт.

Это было 26 октября.

Вскоре Горький уехал. Вскоре был созван пленум Оргкомитета³⁸, на котором вновь был поставлен вопрос о социалистическом реализме. В моем выступлении, в выступлении Кирпотина³⁹, в выступлении Фадеева этот метод получил широкую огласку.

На этом пленуме выступало довольно большое количество крупных старых писателей: Андрей Белый, Пришвин... и еще целый ряд писателей, которые приветствовали постановление ЦК о создании Оргкомитета и солидаризировались с политикой партии в области художественной литературы.

Вот это первая часть работы Оргкомитета по подготовке съезда писателей, работа довольно сложная, проходившая в сложной обстановке.

Горький тогда уехал за границу, в Сорренто, пленум проходил без него, без него проходил и второй пленум⁴⁰ в феврале, причем созвать этот пленум предложил я.

Докладчиком по вопросу о реализме я предложил Луначарского⁴¹. Сталин выступил против — предложил сделать доклад мне. Я сказал, что мне некогда готовиться к докладу, и вновь настаивал на утверждении Луначарского. Тогда Сталин поручил мне утвердить тезисы доклада Луначарского.

Мы с Луначарским несколько раз встречались, беседовали. Первый вариант тезисов доклада был явно неудовлетворительный. Очень деликатно я и Стецкий эти тезисы в беседе с Луначарским раскритиковали. Он и сам заявил, что тезисы составлены плохо, что их надо переработать. Он их переработал и сделал исключительно блестящий доклад на втором пленуме Оргкомитета.

На этом пленуме по вопросу о драматургии выступали рапповцы, выступали неудачно, в частности, Афиногенов.

Поправляя рапповцев, мне пришлось выступить. Эту речь я, как все выступления, послал Сталину. Тогда был такой порядок, что если в течение 24 часов со стороны Сталина не будет возражений, то речь сдается в печать.

Мне позвонил Стецкий из приемной Сталина и поздравил с блестящим докладом. Я сказал, что это не доклад, а выступление.

В «Правде» по этому поводу появилось пять статей, одна за другой. Там удалось поставить несколько очень важных вопросов, вопрос о воспитательной роли искусства и другие.

После этого пленума я написал Алексею Максимовичу письмо, в котором информировал его о пленуме. Вот что я ему писал (*читает письмо*).

Как видите, Горький, хотя и был далеко, все время ставился в известность о том, что делается, и принимал самое непосредственное участие в делах Оргкомитета.

Весной 1933 года я заболел: было очень сильное переутомление, на этой почве у меня развились всякого рода болезни, тут еще грипп подкосил. Меня уложили в больницу, потом отправили на юг. Я долгое время совершенно не работал.

Приехав с юга, я сразу подал заявление об отставке — просил освободить от работы в Оргкомитете и в «Известиях». Сталин ответил довольно любопытно: «Вы в Оргкомитете можете не работать, а в “Известиях” надо работать». И я пытался кое-как тянуть, потом свалился.

Подав второе и третье заявление об освобождении от работы. ЦК согласился. Горький просил порекомендовать кого-нибудь на должность секретаря Союза писателей.

Я рекомендовал Юдина. Это — философ по образованию, окончил Институт красной профессуры, работал в Культпропе ЦК, крепкий коммунист, теперь наш посол в Китае.

Горький предложил его кандидатуру в ЦК, и Центральный Комитет его утвердил. Так что практически работающим человеком в Оргкомитете был Юдин.

Но у Юдина отношения с Алексеем Максимовичем сложились плохие. Я не берусь судить, что было причиной этих плохих отношений.

Я встречался с Горьким несколько раз, он предлагал мне вернуться в Оргкомитет. Я говорю: «Что же я буду балластом!» Горький очень резко отзывался о Юдине. Мы спорили, он со мной не соглашался.

Судя по статье Романовского, здесь был второй или третий приступ групповщины, попытка рапповцев вернуться к руководству в Союзе писателей, и они направили свои нападки на Юдина, но не прямо, а через Горького.

В результате плохих отношений Горького с Юдиным Юдин должен был уйти из Оргкомитета, и на съезде писателей был введен туда Щербаков⁴² (кстати сказать, его выдвинул Жданов⁴³), и Щербаков стал секретарем Союза писателей.

Вот как складывались отношения в Оргкомитете перед съездом.

Вероятно, сыграло роль и еще одно обстоятельство, которое ухудшило отношения между Горьким и Юдиным.

Горький питал некоторую слабость к некоторым деятелям оппозиционных группировок — к Каменеву⁴⁴, Бухарину⁴⁵ и Радеку⁴⁶. Начиная с 1928 и кончая 1933 годом, у меня было множество разговоров с Алексеем Максимовичем об этих лидерах оппозиционных группировок. Горький недооценивал существа разногласий, которые были в партии, опасность этих разногласий, он все время стремился примирить враждующие группировки, примирить непримиримое. Это проскользнуло и в печати — в его выступлениях после возвращения в Советский Союз, а еще больше проявлялось в разговорах.

В Морозовке был дом отдыха руководящих работников партии и правительства (Морозовка в 41 километре от Москвы по Можайскому* шос-

* В оригинале вычеркнуто Ленинградскому.

се). Мы имели право туда приезжать, жить там день-два, отдыхать. Там бывал и Сталин *, и Енукидзе⁴⁷, приезжали Орджоникидзе⁴⁸, Постышев, Скворцов-Степанов⁴⁹. Алексей Максимович там бывал. За стол садился человек 30–40.

Туда ездил Рыков⁵⁰, к которому Горький относился положительно, Каменев, которого Горький любил, туда ездили Бухарин, Радек и многие другие.

Затем у Горького на квартире в 30-х годах, когда зайдешь, встречаешь Бухарина или Радека, который тогда работал в «Известиях», и я знал, когда он бывал у Горького.

Каменев Алексей Максимович провел на пост директора издательства «Академия», он бывал у него часто.

И когда шла подготовка к Первому съезду писателей, то в качестве докладчиков Горький выдвинул Бухарина⁵¹ и Радека.

Я лежал больной, но получил напечатанные брошюрками доклады их. Я позвонил Сталину: «Как могло случиться, что такие доклады подготовлены к съезду?»

Сталин ответил, что они утверждены ЦК. Я говорю: «Как же ЦК мог их утвердить?» Сталин раздраженно сказал: «Горький изнасиловал, настаивал на этом». Я просил разрешения выступить на Съезде писателей. Он говорит: «Не следует этого делать — это будет расценено как выступление против ЦК, инспирированное Горьким».

Это назначение Бухарина и Радека докладчиками, видимо, встречало противодействие Юдина, а Горький настаивал. По-видимому, на этой почве и возникали разногласия между Юдиным и Горьким, по-видимому, это послужило причиной обострения отношений между ними.

Вот коротко то, что можно добавить к тем материалам, которые напечатаны, которые вы знаете, о подготовке Первого съезда писателей.

— У вас, вероятно, есть какие-либо вопросы?

ВОПРОС. — Доклады, которые были подготовлены Радеком, Бухариным, Горьким для съезда, они кем-то просматривались, одобрялись?

— Насколько я знаю (я беседовал об этом со Стецким и Постышевым), никто Горькому не подсказывал содержание доклада, но, вероятно, он дал читать доклад Сталину и Молотову. Но Горький это есть Горький, и ему, вероятно, на этот счет не было сделано никаких указаний⁵². Этот доклад был подготовлен Горьким без какой-либо директивы, без какого-либо нажима, без какой-либо помощи с чьей-либо стороны. А доклады Бухарина и Радека были организованы Горьким, написаны этим авторами, Горьким представлены в ЦК.

* После имени Сталина поставлен знак вопроса.

Поскольку возражения, которые были со стороны Юдина, не были приняты Горьким во внимание, постольку ЦК (я сужу по разговору со Сталиным) не счел нужным против этих докладов возражать, хотя Сталину, конечно, было ясно, что доклады эти порочны в своей основе⁵³.

Я могу анекдотическую вещь рассказать на этот счет.

После получения доклада Бухарина я встречаюсь с ним на лестнице в здании «Известий». Я говорю: «Как ты мог написать подобный доклад?» Он говорит: «А что?» Я говорю: «Тебя обвиняют, что ты являешься идеологом реставрации капитализма, а здесь ты, литератор, ориентируешь писателей на декадентов!»⁵⁴ Тебе придется отказаться от доклада!»

Он очень нервно реагировал, почти ничего мне не возражал, видимо, были еще чьи-то замечания о его докладе. Он махнул рукой, побледнел и по сути дела вскоре от доклада отказался⁵⁵.

Другой разговор был у меня с Демьяном Бедным. Мы гуляли в Сокольниках. Он говорит: «Ты читал выступление Бухарина против меня? Читал мое выступление?» Я говорю: «Ты напрасно так выступил. Я сказал бы очень просто: “Николай Иванович Бухарин хоронил меня по первому разряду[”]. А потом подумал: Николай Иванович имеет одну особенность: он пишет разные вещи, а потом от них отказывается (*перечисляет работы, написанные Бухариным*). Надо было сказать: теперь он написал доклад о литературе и тоже от него откажется. Поэтому я не останавливаюсь на докладе Бухарина, а перехожу к другим вопросам».

Мы погуляли с Демьяном Бедным, поговорили, а через некоторое время Бухарин действительно отказался от своего доклада.

Какие еще вопросы?

ВОПРОС. — Я помню выступление Зелинского. Он, вероятно, спутал: это было выступление для художников. Он, видимо, объединил все совещания и, видимо, содержание совещаний излагал довольно вольно.

Когда мы сейчас просили товарища Зелинского выступить, он все откладывает.

И.М. ГРОНСКИЙ. — В архиве есть его выступление. Я говорю, что он нарушает историческую правду. Совещания проходили так: вот стол — Сталин, Ворошилов, Молотов, я. Между нами писатели, очень много рапповцев, всего человек сорок, не больше, так как все умещались за столом.

Я почти всех помню, кто там был. Когда кончилась эта перепалка, словесная драка, накрыли стол и сидели так: Сталин, Молотов, Ворошилов посередине стола, справа сидел я, слева сидел Луппол⁵⁶. Пили. Мы с Алексеем Максимовичем пили виски. Сталин мне налил целый стакан коньяка, а до этого он меня и Стецкого пробирал за выпивку⁵⁷.

Выпили, потом были разговоры и когда шли пешком от Горького, он говорит: «Не верю, что ты пьешь. Ты больше всех пил и остался трезвым». А я говорю: «Надо перестать верить Мехлису»⁵⁸.

Во время неофициальной части Павленко, который сидел в углу, полез к Сталину целоваться. Это был за все совещания один-единственный такой случай — Павленко говорит: «Разрешите Вас поцеловать». Сталин удивленно посмотрел, подставил ему щеку, и он приложился⁵⁹.

Павленко никогда близким к Сталину не был, он только что входил в литературу, его выдвинул Пильняк⁶⁰. Сталин относился к Павленко как к середнячку. Высоко ставил Сталин Алексея Толстого⁶¹, Новикова-Прибоя⁶², почему-то он питал симпатию к Пильняку, хорошо относился к Леонову. Федина⁶³ он ставил очень высоко, но боюсь, что тут сказывалось влияние Стецкого — он много говорил Сталину о Федине. К Фадееву Сталин относился неплохо, но были колебания: то хорошо относился, то предупреждал, что Фадеев может поколебаться, что устойчивой линии у него нет.

ВОПРОС. — Был ли Шолохов⁶⁴ на этих совещаниях?

И.М. ГРОНСКИЙ. — Шолохов был на двух совещаниях, держался он очень скромно, не выступал.

Сталин неплохо относился к Панферову, к Гладкову, но не считал Гладкова крупным писателем. Это, очевидно, под влиянием Горького. Горький к Гладкову относился неважно, у него даже как-то сорвалась такая фраза: «Какой же он писатель!»

На совещаниях у Горького на Никитской никто никогда из членов семьи Горького не присутствовал: ни Екатерина Павловна, ни Надежда Алексеевна, ни Максим, ни Крючков⁶⁵.

Надежда Алексеевна говорит, что на совещаниях в Горках был Каганович. Сколько раз я ни был в Горках, я там Кагановича не видел, приезжали обычно Сталин, Молотов и Ворошилов, а Каганович был только два раза в мае 1932 года.

В Горках та же картина: никто из членов семьи не присутствовал. Бывали, кроме Сталина, Молотова, Ворошилова, Стецкий, я. Один раз я видел там художника Яковлева⁶⁶, членов семьи не было. Когда бывал Ягода⁶⁷, то бывали и члены семьи: Екатерина Павловна, Надежда Алексеевна, Максим.

В Горках разговоров было довольно много.

Из литературных разговоров я мог бы привести, например, такой разговор.

Как-то мы приехали с женой к Алексею Максимовичу. Был там Халатов⁶⁸, Алексей Толстой и кто-то еще. Обедали. После обеда все пошли играть на бильярде, а мы с Горьким остались за столом. Горький говорит: «Я забыл сказать — я договорился со Сталиным о возвращении

в Советской Союз Бунина. Как Вы к этому относитесь?» Я говорю: «Я — против и сделаю все, чтобы Бунина в Советском Союзе не было». Мы очень крепко поругались.

Я забыл об этом рассказать Сталину.

Как-то Алексей Максимович позвонил: «Что Вы не показываете носу, приезжайте».

Я приехал один. Только что вошел, приезжают Сталин, Молотов и Ворошилов. Когда обед подходил к концу, Горький обращается к Сталину: «Мы опять поругались с Иваном Михайловичем из-за Бунина». Сталин зло на меня посмотрел: что ты, мол, и тут лезешь в драку, драться незначем.

Я думаю, что надо отстаивать свою точку зрения.

Вдруг Горький говорит: «Поругались, и я подумал, что Иван Михайлович прав: Бунина возвращать не надо».

Сталин меняется в лице. Он хохочет, но сдерживается. Выходит из-за стола, мы пошли на веранду. Я говорю: «Как Вы можете соглашаться на приезд Бунина? Если Бунин приедет, будет второй литературный центр. Куда писатели потянутся — к Горькому или к Бунину — это еще вопрос». Сталин говорит: «Горький пристал, я ему уступил. Очень хорошо, что это все расстроилось».

Подобного рода разговоров было довольно много: о Новикове-Прибое, о Гладкове, о Толстом, о Панферове, о художниках, об общей политике, о продаже картин⁶⁹, о палешанах⁷⁰, о литературных кружках — о чем только ни говорилось!

ВОПРОС. — Сталин не сомневался, что он может судить в вопросах искусства и литературы?

И.М. ГРОНСКИЙ. — Сталин был человеком довольно большой культуры. Он был немногословен, но он умел слушать.

Я в 30-х годах влез в дискуссию по вопросам изобразительного искусства. И как-то мы сидели и пили чай и заговорили об изобразительном искусстве, в частности, о передвижниках. Сталин меня расспрашивал, задавал вопросы: стоит ли их поддерживать? Я отвечал, он соглашался. При этом он спрашивал, что по такому-то вопросу надо читать, какая литература есть. Через некоторое время он высказывал свое мнение о той или другой книге. Я посоветовал ему прочесть Бенуа «Русская живопись XIX столетия»⁷¹. Он прочитал и довольно подробно высказал свое мнение об этой книге.

Вот деталь: меня на дискуссии спросили, что такое социалистический реализм в живописи. Я бросил такое выражение: это — Рембрандт, Рубенс и Репин на службе рабочего класса. Меня спросили, почему я выбрал именно этих художников. Я ответил: Рембрандт — это известный реалист, Рубенс — это величайший оптимист, а Репин — это

вершина не только русской, но и всей мировой живописи XIX столетия. Известны высказывания Маркса о Рембрандте⁷², известны высказывания Ленина о Рубенсе и Репине.

Сталин читал переписку Стасова с Репиным⁷³, а открытку с изображением «Запорожцев»⁷⁴ Репина он носил в кармане.

Сталин читал не так много, как он говорил, но читал порядочно. Одну и ту же книгу я встречал у него на столике около двух недель. Иногда эти книги менялись: что неделя — то другая книга.

Но вообще знания у Сталина были довольно солидные. Он над собой довольно много поработал, умел слушать, умел расспрашивать. Сидишь с ним, и он буквально из тебя выжимает: что ты можешь сказать? Когда он был не согласен, он нервничал, резко возражал, но не любил, когда человек отказывался от своей точки зрения и соглашался с ним.

У меня бывали со Сталиным споры. Он иногда очень резко возражает, но споришь. Проходит некоторое время, он твою мысль изучает, иногда прямо со ссылкой: вот предлагали такое-то, я возражал, но не был прав тогда.

Есть ли еще вопросы?

Если вопросов нет, мы сегодня нашу беседу на этом закончим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеются в виду творческие литературные объединения, существовавшие в 1932 г.: РАПП, ВССП, РОПКИ, ЛОКАФ, «Перевал» и др.

РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей — литературно-политическая и творческая организация (1925–1932 гг.), объединила основные пролетарские кадры на литературном фронте (более 4 тыс. членов; печатные органы — журналы «На посту» и «На литературном посту», генеральный секретарь Л.Л. Авербах). В числе активистов и идеологов РАПП — Д.А. Фурманов, Ю.Н. Либединский, В.М. Киршон, А.А. Фадеев, А.Н. Афиногенов, Ф.И. Панферов, А.И. Безыменский, А.С. Серафимович, Ф.В. Гладков, М.А. Шолохов, Бела Иллеш, В.П. Ставский, критик В.В. Ермилов. В ВОАПП (Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей), созданном в 1928 г., РАПП заняла ведущие позиции.

ВССП — «попутнический» Всероссийский союз советских писателей, создан в 1929 г. для объединения ряда непролетарских организаций, прежде всего Московского и Ленинградского отделений Всероссийского союза писателей (профессиональная писательская организация для литераторов «старой» (дореволюционной) формации (1920–1932 гг.) и нового поколения писателей-«попутчиков» (Л.М. Леонов, Н. Огнев, А.Г. Малышкин, Вс.Н. Иванов, В.Г. Лидин, В.М. Инбер, Л.Н. Сейфуллина)). Эти объединившиеся организации до роспуска в 1932 г. возглавляли П.А. Павленко (1899–1951) и М.Л. Слонимский (1897–1972), энергично пытались их реформировать под знаком перевоспитания «попутчиков» и превращения их в союзников революции.

РОПКП — Российская организация пролетарско-колхозных писателей — наиболее массовая (705 членов, по данным на 1929 г.) после РАПП литературная группировка (1921–1932 гг.).

ЛОКАФ — Литературное объединение Красной армии и флота, созданное в июле 1930 г. В нее вошли И.Л. Сельвинский, Д. Бедный, Я. Купала, Ю.Н. Либединский, А.И. Безыменский, В.М. Саянов, М.Ф. Чумандрин, А.А. Сурков, В.П. Ставский, Ю.К. Олеша, Н.Н. Асеев, Н. Огнев, А.Г. Малышкин и др.; военные писатели: С.П. Щипачев, Вс.В. Вишневский и др., представители армейского руководства и общественные деятели: Осеян, Киверцев, Берлин, Роберт Эйдеман, Михаил Поляк, Феликс Кон, Семен Канатчиков, Борис Ольховый и др. (журнал «Знамя»).

«Перевал» — советская литературная группа, существовавшая в 1923–1932 гг. (название было дано по статье А.К. Воронского «На перевале. (Дела литературные)» в журнале «Красная новь» (1923. № 6); подробнее об этом см.: *Белая Г.А. Дон-Кихоты 1920-х годов: «Перевал» и судьба его идей.* М.: РГГУ, 1989).

²По поводу стереотипов сталинской историографии и обществоведения в изложении Гронского литературовед Г.А. Белая замечает: «Потом стали возвращаться репрессированные. Это тоже было очень странно, потому что, например, к нам в ИМЛИ приехал Иван Михайлович Гронский. Он был главным редактором “Известий” после Бухарина, его арестовали в 1938 году, и когда (в середине 1950-х гг. — М. В.-А.) Гронский приехал к нам, а мы знали, что он встречался со Сталиным, что он вел какую-то политику, ну и ожидали, что он-то нам и расскажет, что такое ГУЛАГ и что все это было. А Гронский произносил абсолютно просталинские речи, и тогда мы впервые поняли, что очень многие люди вернулись из лагерей, ничуть не поумнев и не протрезвев» (*Белая Г. «Я родом из шестидесятых...»: (Мемуарное выступление на праздновании 70-летия Г.А. Белой на историко-филологическом факультете РГГУ 19 октября 2001 г.) // Новое литературное обозрение. 2004. № 70*). Впрочем, в неопубликованных на тот момент воспоминаниях Гронский гораздо менее лоялен к Сталину и трезво оценивает роль его личности в советской истории.

³Обвинения во вредительстве были широко распространены в СССР во время сталинских репрессий; это слово часто использовалось в публицистике и литературе. Однако в действовавшем Уголовном кодексе РСФСР термин «вредительство» не употреблялся, хотя действиям, подпадающим под этот ярлык, было посвящено несколько пунктов статьи 58.

⁴Случай с Н.А. Клюевым показателен: без суда и следствия, по требованию партийного функционера Гронского, он был выслан из Москвы. Клюев Николай Алексеевич (1884–1937, репрессирован) — русский поэт, представитель так называемого новокрестьянского направления. Клюев в письмах поэту С.А. Клычкову и В.Я. Шишкову называл главной причиной ссылки свою поэму «Погорельщина» (1928), воспринятую как памфлет на коллективизацию. Обвинения в антисоветской агитации и составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений были предъявлены Клюеву и в связи с другими его произведениями («Песня Гамаюна» и «Если демоны чумы, проказы и холеры...» из цикла «Разруха» хранятся в уголовном деле Клюева как приложение к про-

токолу допроса). В одном из них, стихотворении «От Лаче-озера до Выга...», упоминается строительство Беломорско-Балтийского канала силами раскулаченных и заключенных:

То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фекла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи...

В своих воспоминаниях Гронский пишет, что Ключев все более переходил «на антисоветские позиции», несмотря на «выделенное ему государственное пособие». Когда Ключев прислал в газету «любовный гимн», предметом которого являлась «не “девушка”, а “мальчик”», Гронский изложил свое возмущение в личной беседе с поэтом, но тот отказался писать «нормальные» стихи. После этого Гронский позвонил Ягоде и попросил убрать Ключева из Москвы в течение 24 часов. «Арестовать?» — «Нет, просто выслать». Затем Гронский сообщил об этом Сталину и получил его санкцию на административную высылку (цит. по: *Шенталинский В.* Рабы свободы в литературных архивах КГБ. М.: Парус, 1995. С. 266–267). В 1934 г. Ключев был арестован по статье 58, пункт 10 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и сослан в Нарымский край, затем переведен в Томск. В 1937 г. снова арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

⁵ Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875–1958) — писатель, академик АН СССР (1943 г.). Работал учителем, участник русско-японской и Первой мировой войн, жил в Крыму.

⁶ Личные отношения Сталина и Горького не раз становились предметом пристального внимания и, тем не менее, еще ждут своего исследователя. Сталин вместе с Горьким участвовал в Лондонском V съезде РСДРП. Подробнее писатель узнал о будущем вожде из письма Ленина в 1913 г. В октябре 1917 г. Сталин в статье «Окружили мя тельцы мнози, тучны» («Рабочий Путь». № 41. 20 октября) осудил выступление Горького в газете «Новая жизнь» о готовящемся перевороте. Личное их знакомство состоялось в 1928 г. в день первого приезда писателя в СССР из эмиграции. В последующие годы они неоднократно встречались и переписывались. Однако, несмотря на присланные ему биографические материалы о Сталине и заказ американского издателя Р. Лонга, Горький не создал очерк о Сталине, хотя неоднократно упоминал о его огромной роли в истории и «железной воле». Личные их встречи происходили на праздниках и общественных мероприятиях, в доме и на даче Горького, особенно во время подготовки Первого съезда писателей и приезда Р. Роллана. Последняя встреча в Горках состоялась за день до кончины Горького, когда Сталин навещал писателя во время болезни. Переписка Горького и Сталина опубликована в журнале «Новый мир» (1997. № 9; 1998. № 9), а также в изд.: М. Горький. Неизданная переписка. М.: Наследие, 1998 (М. Горький. Материалы и исследования; вып. 5), где представлен среди прочего и набросок начала очерка о Сталине.

⁷ Молотов Вячеслав Михайлович (наст. фам. Скрябин; 1890–1986) — советский партийный и государственный деятель. С Горьким познакомился в 1928 г., встречался с ним на совещаниях с учеными и писателями, входил в редакционную коллегию инициированного Горьким издания «История гражданской войны в СССР». Бывал в доме Горького на Малой Никитской и в Горках, в том числе во время последней болезни писателя.

⁸ Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — советский государственный, партийный и военный деятель. Он был в числе встречающих Горького на Белорусском вокзале 28 мая 1928 г. Начиная с этого времени, они виделись постоянно на всевозможных общественных мероприятиях. Вместе со Сталиным он бывал в доме Горького на Малой Никитской и в Горках. Был членом редакции организованного Горьким издания «История гражданской войны в СССР».

⁹ Бухаринские «красные профессора», так называемые «тридцатилетние» (А.И. Стецкий, Гронский, В.Я. Кирпотин), противопоставляли поэтов и писателей, чье творчество формировалось в русле дореволюционной русской культуры, новой, пролетарской литературе. Называя Б.Л. Пастернака (1890–1960) и О.Э. Мандельштама (1891–1938, репрессирован) «декадентами», Гронский воспроизводит вульгарно-социологические стереотипы классового подхода к литературе, как это было принято в официальных кругах советских партийных функционеров-«упростителей». Свою задачу он видел «в борьбе за интеллигенцию» (как он утверждает в цитируемом выше письме Сталину), в приближении «декадентов» и «попутчиков» к партии, к задачам воспитания нового советского человека. Эта задача решалась методом бросания «в жизнь», по выражению Гронского (их самих «бросали»: его — на организацию съезда, Кирпотина — на «Литературную газету»). Писательские бригады в конце 1920 — начале 1930-х гг. посылались на стройки пятилетки, на Беломорско-Балтийский канал. Они должны были собирать материал о трудовой деятельности Советского Союза, чтобы отразить ее в своих произведениях. В 1932 г. особый интерес привлекал Урало-Кузбасский регион, где шло строительство трех важнейших объектов тяжелой промышленности: Магнитки, Челябинского тракторного завода и Уралмаша. «Брошен в жизнь» был и французский поэт-сюрреалист Луи Арагон (результатом его поездки в Советский Союз стала поэма «Ура, Урал!» («*Ouïra l'Oural*», 1934)). В Магнитогорск ездил В. Катаев (и отразил свои впечатления в романе «Время, вперед!» (1932)). Летом 1932 г. на Урал планировались поездки творческих бригад, в состав которых входили М. Зощенко, Ю. Олеша, Л. Сейфулина, М. Слонимский, А. Толстой, М. Шагинян, поэты Н. Асеев, Д. Бедный, А. Безыменский, Б. Пастернак, а также композиторы, художники, актеры — для отображения социалистического Урала во всех видах искусств. О приезде Пастернака летом 1932 г. в Свердловск местная газета «На смену!» писала: «Надо надеяться, что на фоне грандиозной стройки Урало-Кузбасса тов. Пастернак с большой вероятностью успеха сумеет начать борьбу за преодоление наследства дореволюционной российской интеллигенции: сумеет перестроиться в человека, участвующего в нашей жизни, а не проходящего сквозь нее». В случае Пастернака результат оказался противоположным: город и его стройки, где использовалось много тяжелого ручного труда, произвели на поэта тягостное впечатление. Вскоре Пастернака с семьей перевели в обкомовский дачный поселок на озере Шарташ. Здесь поэт столкнулся

с ужасающей нищетой окружающих деревень, с семьями раскулаченных, умирающими от голода. У Пастернака случился нервный срыв, он отказался от командировки и немедленно вернулся в Москву. О поездке он не написал (разве что с ужасом, в письмах родным) и больше в такие «творческие» командировки не ездил. В 1958 г. поэт вспоминал об увиденном на Шарташе: «Это было такое нечеловеческое, невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания. Я заболел» (цит. по: *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Сов. писатель, 1989. С. 467).

Что касается О.Э. Мандельштама, то он, проведя 1930 г. в Армении, куда вынужден был уехать из-за развязанной травли, привез оттуда прозу «Путешествие в Армению» и стихотворный цикл «Армения». Но за публикацию последней части «Путешествия в Армению» в ленинградской «Звезде» (1933. № 5. С. 103–125) был снят редактор Цезарь Вольпе. Путь к читателю для Мандельштама был закрыт. Осенью того же года он создал стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...». Оказавшись в Воронеже после ареста и ссылки, он пишет отцу о своем стремлении участвовать в общественной жизни: «Я занимаюсь литературной консультацией, веду работу с здешней молодежью. Участвую в разных совещаниях, вижу много людей и стараюсь им помочь. На днях с группой делегатов и редактором областной газеты я ездил на 12 часов в совхоз на открытие деревенского театра. Предстоит еще поездка в большой колхоз и знакомство с одним из воронежских заводов» (*Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-бизнес-центр, 1997. Т. 4. С. 160). В результате второй — десятидневной — поездки в село Никольское возник не очерк о колхозной деревне, а стихи о воронежских «черноземах».

¹⁰ У перечисленных Гронским писателей были сложные отношения с советской властью. Оптимистическая картина поворота интеллигенции к социалистическому строительству нарисована Гронским в соответствии с принятыми в то время установками, а не с действительным положением писателей в СССР. Творчество крупных художников не умещалось в рамки «производственных заданий». Однако и те писатели, которые брались за такие задания, испытывали «сопротивление материала», как в случае с Пастернаком или Мандельштамом. Недаром Ценский, по словам Гронского, заявил ему: «Я не привык врать в литературе».

Говоря об Андрее Белом (1880–1934), Михаиле Пришвине (1873–1954) и Сергее Клычкове (1889–1937, репрессирован), Гронский имеет в виду их выступление на Первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 г.). Ответственный секретарь Оргкомитета (и по совместительству заведующий сектором художественной литературы ЦК ВКП(б), а также ответственный (главный) редактор «Литературной газеты») Кирпотин вспоминал: «На пленуме, по меткому выражению Пришвина, господствовала атмосфера “соразования” (имеется в виду речь М.М. Пришвина на съезде. — М. А.-В.). <...> Всех поразили Андрей Белый. Писатель, долго скитавшийся по разным путям и перепутьям, не раз попадавший в тяжелое бездорожье, с энтузиазмом говорил о советской действительности, о социализме, как о конечной пристани, в которой он нашел разрешение всех томивших его противоречий. Белый вскоре умер (в январе 1934 года), речь его на пленуме оказалась последним публичным выступлением,

лебединой песней <...> Атмосферу “сорадования” тот [С.А. Клычков] довел до буйной радости. Он сравнил Авербаха, бывшего руководителя РАПП, со “словометом”, со “словесным пулеметом” и радовался, что РАПП упразднили и он, Клычков, не был убит, уцелел» (*Кирпотин В.Я. Подготовка съезда писателей // Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. М.: Захаров, 2006. С. 209–210. (Сер. «Биографии и мемуары»)*).

Клычков Сергей Антонович — поэт, прозаик, переводчик. Из семьи старообрядцев, автор стихов на революционные темы. В 1908 г. в Италии познакомился с Горьким. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, участник Первой мировой войны. В 1919–1921 гг. жил в Крыму, затем переехал в Москву, где сотрудничал в основном в журнале «Красная новь». Автор романов «Сахарный немец» (1925), «Чертухинский балакирь» (1926), «Князь мира» (1928). Ранние его стихи (1911–1913 гг.) созвучны произведениям поэтов «новокрестьянского» направления — С.А. Есенина, Клюева, А.А. Ганина, П.В. Орешина и др. В его сочинениях отразились впечатления от Первой мировой войны, разрушение деревни, центральным образом становится образ одинокого, бездомного странника. Лейтмотив его поэзии — гибель старой Руси под натиском «машинной» цивилизации.

Певец русской природы, как назвал его К.Г. Паустовский, М.М. Пришвин главным делом своей жизни считал «Дневники», которые он вел в течение полувека (1905–1954 гг.) и объем которых в три раза превышает полное, восьмитомное собрание его сочинений. «Дневники» отразили провидческие размышления их автора и при его жизни не могли быть опубликованы: «за каждую строчку моего дневника — 10 лет расстрела». Принятие советской власти осмыслено Пришвиным в философском ключе: «Я стараюсь разглядеть путь коммунизма и, где только возможно, указать на творчество, потому что если даже коммунизм есть организация зла, то есть же где-то, наверно, в этом зле проток и к добру: непременно же в процессе творчества зло переходит в добро» (запись от 18 июля 1930 г.) (*Пришвин М. Из дневников 1930 года // Отечественные записки. 2005. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/6/2005_6_26.html (дата обращения: 02.09.2017); см. также: Кожин В.В. Правда сталинских репрессий. Драма «самоуничтожения». М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2005).*

¹¹ В журнале «На литературном посту» (1925–1932) выдвигались идеи отталкивания писателей-«попутчиков», «одемянивания» поэзии, «призыва ударников в литературу», лозунг «союзник или враг». В 1931 г. этот лозунг был сформулирован в статье Б. Кора «Не попутчик, а союзник или враг», а уже в мае 1932 г. характеризовался официальной печатью как «ошибочный, политически неверный <...> прикрытие “левацко”-вульгаризаторства в критике» (*Литературная газета. 1932. № 22. 17 мая. С. 3*). РАПП боролась с «ликвидаторской» теорией Л.Д. Троцкого — А.К. Воронского, которые отрицали возможность создания пролетарской культуры и литературы. Основным направлением литературы рапповцы признали психологизм, представление «живого человека», психологический анализ изображаемых героев. РАПП знаменита нападками на литераторов, не соответствовавших, с точки зрения рапповцев, критериям настоящего советского писателя. Давление оказывалось на таких разных писателей, как М. Булгаков, В. Маяковский, М. Горький, А. Толстой и др. См. об этом: *Творческие пути пролетарской литера-*

туры. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928–1929. 2 т.; Борьба за метод. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1931; Очерки истории русской советской журналистики. 1917–1932. М.: Наука, 1966. Т. 1; Из истории советской эстетической мысли. М.: Искусство, 1967; *Шешуков С.* Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: Прометей, 2013; *Громов Е.* Сталин. Власть и искусство. М.: Республика, 1998.

¹² В указанные годы Горький приезжал в СССР.

¹³ Автор декларации о самороспуске всех литературных организаций и секретарь Оргкомитета по созданию единого союза писателей Кирпотин пишет о реакции на постановление ЦК руководителей РАПП: «Для РАПП оно [постановление “О перестройке литературно-художественных организаций”] прозвучало как удар грома. Литературные вожди были ошеломлены, только несколько дней назад их приглашали на заседание Оргбюро ЦК. Они там выступали как избранные, поддерживаемые партией. И вдруг у них отняли сразу все. И с таким размахом созданная ассоциация пролетарских писателей перестала существовать. Возникло плохо скрываемое сопротивление принятому постановлению. <...> Рапповцы пытались еще что-то предпринять, чтобы вернуть себе былое влияние. Не желая создавать впечатления организационного “фракционного” выступления, они в разрозненном порядке, каждый от себя, написали в ЦК целый ряд писем, в которых отказывались подписывать “Декларацию”... Сталину написали: Авербах, Киршон, Афиногенов. Кагановичу: Фадеев. Стецкому: А. Караваева. Несколько человек обратились к Постышеву» (*Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 153).

¹⁴ Имеется в виду декларация о самороспуске литературных организаций с передачей всего имущества Оргкомитету ССП, составленная Кирпотиным и отредактированная Сталиным (см.: *Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 153).

¹⁵ Группу (в разное время в нее входили Николай Зарудин, Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий, Дмитрий Кедрин, Михаил Пришвин, Анна Караваева, Андрей Платонов, критики Валериан Правдухин, Дмитрий Горбов, Александр Лежнев) резко критиковали в рапповской печати за якобы реакционность и увод писателей в сторону от задач современности, неисторический, внеклассовый подход, вплоть до примиренчества по отношению к классовому врагу, более того, сочли, что «Перевал» боролся с пролетарской литературой и критикой, исходя из троцкистского отрицания пролетарской культуры.

«Перевал» позднее других литературных групп отреагировал на постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и подал заявление о роспуске группы только на Первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 г.).

¹⁶ Об участии Л.М. Кагановича и других ближайших сподвижников Сталина в работе Оргкомитета и других литературных делах Кирпотин пишет: «Без Сталина он [Каганович] не решался ничего предпринимать в области литературы и искусства. Позднее я убедился: снизу вверх можно было обращаться сколько угодно, но если вопрос не доходил до Сталина, никакого ответа не следовало, каким бы срочным он ни считался. По поводу писем писателей (протестов против ликвидации РАПП. — М.А.-В.) ни Каганович, ни Постышев, ни Стецкий не посмели обратиться к генсеку. И все завертелось лишь после того, когда письма Авербаха, Киршона, Афиногенова положили на стол Сталину. Он

в эти годы был в лучшей своей форме, умел учитывать особенности среды. Авторы писем вызвали в ЦК» (*Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 154–155). Хотя Каганович замещал Сталина по всем другим вопросам, литературными делами он не занимался: «Каганович твердо знал: писателями занимается лично Сталин. Поэтому самостоятельно никаких решительных действий не предпринимал» (Там же. С. 175).

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) — партийный и государственный деятель, ближайший сподвижник Сталина. Первая половина 1930-х гг. — пик карьеры Кагановича, период его наивысшего влияния. С июля 1930-го он — член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Сталина по партии. Каганович возглавил работу Оргбюро ЦК и ряда важнейших отделов ЦК, руководил заседаниями Политбюро в период отпусков Сталина, председательствовал в многочисленных комиссиях Политбюро.

¹⁷ Стецкий Алексей Иванович (1896–1938, репрессирован) — советский партийный деятель. Вместе с Гронским учился в Институте красной профессуры. Работал в системе партийного и государственного контроля в органах ЦКК-РКИ, в 1925 г. был редактором газеты «Комсомольская правда». В 1931 г. вошел в редколлегия двух крупных горьковских издательских проектов, «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов» (в 1932–1933 гг. было утверждено 26 книг для издания). С 1930 г. возглавлял Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1933 г. — член Оргкомитета Союза советских писателей (под председательством Горького). С 1934 г. — главный редактор журнала «Большевик». В 1935–1938 гг. — заведующий Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Проводил пропагандистские кампании в поддержку сталинских репрессий 1930-х гг. по «разоблачению» троцкистов, зиновьевцев, «вредителей», кулаков, «подкулачников» и пр.

¹⁸ Постышев Павел Петрович (1887–1939, репрессирован) — партийный деятель и публицист, один из организаторов сталинских репрессий. С ноября 1926 г. — секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1930–1933 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1932–1933 гг. — заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б), второй секретарь ЦК КП(б) Украины. Входил в редколлегия горьковской серии «История фабрик и заводов».

¹⁹ О вызове рапповцев в ЦК и разговоре с ними Сталина по поводу их протеста и их творческого метода Кирпотин пишет: «Сталин сказал: “Декларация” совпадает по смыслу с постановлением ЦК. О Российской Ассоциации Пролетарских Писателей в ней сказано даже мягче, чем в постановлении ЦК. ‘Декларацию’, товарищи, надо подписать”. Вопрос был исчерпан, и Сталин заговорил с рапповцами о теоретических вопросах творчества. В пересказе Стецкого это выглядело так: — Что вы там путаете с диалектически-материалистическим методом? Искусство имеет свои особенности. Вы создаете впечатление, что художнику, прежде чем писать, нужно предварительно изучить категории диалектики и потом уже переводить их на язык образов. “Анти-Дюринг” нельзя непосредственно трансформировать в романы или стихи. Писатель должен обратиться к действительности. И главное требование, которое предъявляет партия, можно сформулировать в двух словах: пишите правду!» (*Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 155).

²⁰ На момент беседы Гронского с работниками Архива А.М. Горького Леонид Иванович Тимофеев (1904–1984) был заведующим Отделом советской литературы Института

мировой литературы АН СССР (1941–1970 гг.), занимался проблемами творческого метода советской литературы.

²¹ Ссылаясь на Горького как основоположника метода соцреализма (об этом он подробно говорит далее), Гронский, очевидно, берет в качестве точки отсчета роман «Мать» (1906).

²² В Комиссию Политбюро по литературным вопросам входили члены Оргкомитета по созданию Союза советских писателей, образованного 23 апреля 1932 г. по инициативе Сталина. В ее состав вошли Сталин, Каганович, Постышев, Стецкий и Гронский.

²³ Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) — советский литературовед, литературный критик, член СП СССР (1934 г.), доктор филологических наук (1964 г.). Зелинский был одним из участников описываемых Гронским встреч между советскими писателями и членами правительства, проходивших на квартире Горького и посвященных вопросам создания творческого союза советских писателей. Зелинский оставил воспоминания об этом — объединив все встречи в одну, состоявшуюся 26 октября 1932 г.; см.: Зелинский К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 144–170.

²⁴ Речь идет о последних по времени совещаниях писателей с членами правительства, прошедших 12 августа и 26 октября 1932 г.

²⁵ Названные Гронским писатели представляют различные группы писателей-коммунистов. Так, исследователь Л.В. Максименков приводит данные по спискам кандидатов в члены СПП, предназначенным для Сталина и Кагановича. Из этих списков видно, что «писатели-коммунисты, помимо рапповцев (Фадеев), были в то время поделены на пять групп: не входящие в РАПП (такие, как Бедный, Павленко, Михаил Кольцов), группа «Кузница» (Гладков, Березовский и др.), «стоящие особняком в РАПП» (Безыменский, Жаров, Биль-Белоцерковский), группа Панферова (Серафимович, Ставский и др.) и группа Международного объединения революционных писателей (МОРП) — коминтерновского эквивалента РАПП (Бруно-Ясенский, Гидаш и др.). Кроме этого, была выделена группа пролетарско-колхозных писателей и группа «Перевал». Беспартийные писатели перечислялись без групповых характеристик.

В части списка, заключительной по месту, но не по политическому значению, состоявшей из 58 «беспартийных писателей», были имена Пастернака, Бабеля, Платонова, Эрдмана, Клюева и Мандельштама. Причем в скобках указывались крамольные произведения; по некоторым из них были приняты решения «директивных органов». Фамилий Михаила Булгакова, Анны Ахматовой и Михаила Кузмина в этом списке не было» (Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/4/maksim.html> (дата обращения: 02.09.2017)).

Гладков Федор Васильевич (1883–1958) — автор «производственных» романов «Цемент» (1925) и «Энергия» (1933). Лауреат двух Сталинских премий (1950, 1951 гг.).

Павленко Петр Андреевич (1899–1951) — писатель и литературный функционер. Член Союза писателей СССР с 1934 г. Лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1947, 1948, 1950 гг.).

Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — писатель и общественный деятель, много лет руководил писательскими организациями разного уровня, в том числе Союзом

писателей. В 1926–1932 гг. был одним из организаторов и идеологов РАПП. Входил в Оргкомитет по созданию Союза писателей СССР после ликвидации РАПП. Лауреат Сталинской премии (1946 г.).

Панферов Федор Иванович (1896–1960) — писатель, один из руководителей РАПП, главный редактор журнала «Октябрь» (с 1931 г.), автор «крестьянских» пьес «Дети земли» (1920), «Пахом» (1923), «Мужики» (1924), «Бунт земли» (1926), «Развал» (1926), «Урод», «Стальной конь», романа «Бруски» (1928–1937). Лауреат двух Сталинских премий (1948, 1949 гг.).

²⁶ Кирпотин относит эту формулу к выступлению Сталина на встрече 26 октября 1932 г. (см.: Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. С. 199).

²⁷ Статья П.Д. Рожкова была опубликована 12 августа 1932 г. в «Известиях». В ней говорится о наличии двух тенденций в романтизме — реакционной и революционной. Советский народ, по мнению автора, нуждался в революционном романтизме.

²⁸ Имеется в виду работа В.И. Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1901–1902), где он приводит рассуждение Д.И. Писарева о значении деятельной мечты из «Промыхов незрелой мысли» (1864), завершающееся словами: «Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно глядя в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно».

²⁹ Леонов Леонид Максимович (1899–1994) — писатель, играл заметную роль в литературном процессе на протяжении более 60 лет. Его считали мастером социалистического реализма; современные же исследователи обращают внимание на его интерес к проблематике христианской нравственности, на продолжение им традиций Ф.М. Достоевского. Герой Социалистического Труда (1967 г.).

³⁰ Малышкин Александр Георгиевич (1890–1938) — писатель, классик социалистического реализма. В 1917–1918 гг. служил в Черноморском флоте, вел оперативную работу в Красной армии на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах. Принимал участие в операциях по овладению Крымом (1920 г.). Первая его повесть «Падение Даира» написана в 1921 г. Входил в литературную организацию «Перевал». Был одним из руководителей Всероссийского союза советских писателей, член редколлегии журнала «Новый мир». Автор романа «Люди из захолустья» (начат 1932, окончат. ред. — 1937–1938). Работе над ним предшествовали поездки на стройки СССР (Днепрострой, Челябинск, Магнитострой). Действие романа одновременно разворачивается на строительстве красноярского индустриального гиганта, в захолустном с. Мшанске и в Москве. Мотив движения, «перелома», «сдвига» в «Людах из захолустья» является определяющим. Малышкин верит в социальную плодотворность социалистических преобразований.

³¹ Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) — писательница. Окончила историко-философский факультет Высших женских курсов В.И. Герье, училась в Гейдельбергском университете. Посещала литературный салон З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. Много лет работала корреспондентом разных газет, преподавала эстетику и историю искусств.

Призыв партии «броситься в жизнь» восприняла как руководство к действию: в 1930-х гг. окончила Всесоюзную плановую академию им. В.М. Молотова (изучала минералогию, прядильно-ткацкое дело, энергетику), работала лектором, инструктором ткацкого дела, статистиком, историографом на ленинградских фабриках, годы Великой Отечественной войны провела на Урале корреспондентом газеты «Правда». В 1934 г. на Первом съезде советских писателей была избрана членом правления Союза писателей СССР. Герой Социалистического Труда (1976 г.), лауреат Сталинской (1951 г.) и Ленинской (1972 г.) премий.

³² Васнецов Юрий Алексеевич (1900–1973) — художник, иллюстратор. Лауреат Государственной премии СССР (1971 г.). Дальний родственник художников А.М. и В.М. Васнецовых и фольклориста А.М. Васнецова. В 1921 г. поступил на живописный факультет ПГСХУМ (педагоги А.Е. Карев, А.И. Савинов), в 1926–1927 гг. учился живописи в ГИИХУК у К.С. Малевича, работал под его началом в Отделе живописной культуры. С 1928 г. в Детгизе, иллюстрировал книги В.В. Бианки, К.И. Чуковского, Л.Н. Толстого, С.Я. Маршака, русские народные сказки. Детские книжки Васнецова стали классикой советского книжного искусства. Летом 1931 г. совершил творческую поездку на Белое море, где создал цикл живописных и графических работ «Карелия». Автор костюмов и декораций к спектаклю по пьесе М. Горького «Мещане» (постановка Большого драматического театра, 1936).

³³ Мешков Василий Никитич (1867/1868–1946) — живописец и график. Народный художник РСФСР (1943 г.), доктор искусствоведческих наук, профессор Всероссийской академии художеств. Мешков создал портреты деятелей культуры (Л.В. Собинова, 1917; В.И. Качалова и И.М. Москвина, 1932), партийных деятелей (С.М. Буденного, В.Р. Менжинского, 1927; Сталина, Ф.Э. Дзержинского, К.Е. Ворошилова, М.И. Калинина, 1929–1930; К. Цеткин, 1924; К. Маркса и Ф. Энгельса, 1930-е).

³⁴ Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941) — драматург, один из руководителей РАПП. Окончил Московский институт журналистики (1924 г.). Сотрудничал с театром Пролеткульта. В 1934 г. Афиногенов был избран в президиум правления Союза писателей СССР и назначен редактором журнала «Театр и драматургия». Сталин в своем выступлении на встрече с писателями на квартире Горького 20 октября 1932 г. положительно оценил его пьесу «Страх» (1930). Пьеса — об идейном перевоспитании старых и формировании молодых ученых — была поставлена в МХАТе 1-м. Пьеса «Ложь» (1933), принятая к постановке в МХАТ-1 и МХАТ-2 (под названием «Семья Ивановых»), получила отрицательный отзыв Сталина, и спектакли не вышли. В 1932 г. совершил длительную поездку по Германии, Франции, Италии. Провел несколько дней в гостях у Горького в Сорренто (см.: Афиногенов А.Н. Дневники и записные книжки. М.: Сов. писатель, 1960. С. 106). В 1934 г. в МХАТ-1 и МХАТ-2 была принята к постановке его пьеса «Портрет» о «перековке» преступницы, но репетиции были остановлены. В 1935 г. свет рампы увидела пьеса Афиногенова «Далекое» (о железнодорожниках). С конца 1936 г. Афиногенов становится объектом резкой политической критики и клеветы, его пьесы запрещаются, в 1937 г. его исключают из ВКП(б) и Союза писателей. В 1938 г. его дело пересмотрели, он был восстановлен в партии и вернулся в Союз писателей. Погиб в Москве в здании ЦК во время бомбежки в 1941 г.

Киришон Владимир Михайлович (1902–1938, репрессирован) — драматург, автор агитационных пьес, комсомольских песен. Организатор Ассоциации пролетарских писателей в Ростове-на-Дону и на Северном Кавказе. Протее Г.Г. Ягоды. С 1925 г. — секретарь РАПП в Москве, наиболее радикально настроенный литфункционер. Именно Киришон начал борьбу против «попутчиков», вместе с В.Н. Билль-Белоцерковским травил М.А. Булгакова. Пьесы «Рельсы гудят» (1927) и «Чудесный сплав» (1934) — апология сталинского «социалистического строительства». В 1931 г. выпустил пьесы «Город ветров» о 26 бакинских комиссарах и «Хлеб» о борьбе партии за социализм на примере хлебозаготовок. В своих произведениях прославлял Сталина — тип нового руководителя, стойкого большевика — и воспевал коллективизацию. Киришон выступал за классицистски единую, законченную по структуре драму, на этой почве полемизировал с В. Вишневским и Н. Погодиным.

³⁵ Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937, репрессирован) — комсомольский деятель, литературный критик, член Союза писателей СССР, ответственный редактор журнала «На литературном посту». Проводил в журнале политику вытеснения писателей, которых считал «попутчиками». Один из основателей РАПП, генеральный секретарь ВАПП (1926–1932 гг.). Соредактор книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934). Племянник Я.М. Свердлова, родственник Е.М. Ярославского, шури Г.Г. Ягоды.

³⁶ Дата менялась четыре раза. Подробнее об этом см.: Быстрова О. Начиналось так... // Литературная газета. 2009. № 33–34. 26 августа — 1 сентября.

³⁷ Юдин Павел Федорович (1899–1968) — советский партийный деятель, академик, член ЦК КПСС. Лауреат сталинской премии (1943 г.). Участник гражданской войны, окончил философский факультет Ленинградского Коммунистического университета имени И.В. Сталина (1924 г.) и философский факультет Института красной профессуры (1931 г.). Стал одним из соавторов «письма трех» наряду с В.Н. Ральцевичем и М.Б. Митиным — своим выступлением в центральном органе печати они фактически положили начало борьбе против «формалистического уклона» в философии (А.М. Деборин, Н.А. Карев) и «сумели лишь одним заявлением посадить в подвал всю Комакадемию при ЦИК СССР» (Митин М.Б., Ральцевич В.Н., Юдин П.Ф. О новых задачах марксистско-ленинской философии // Правда. 1930. 7 июня). Сталин заметил о нем: «Митин и Юдин звезд с неба не хватают, но технику дела знают хорошо» (цит. по: Кипнис С.Е. Прогулки по Новодевичьему. Технику дела знали хорошо // Лехаим. 2003. № 11 (139). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/139/kipnis.htm> (дата обращения: 02.09.2017)).

В 1932–1938 гг. Юдин — директор Института красной профессуры. В 1933–1937 гг. главный редактор журнала «Литературный критик». В 1934–1937 гг. работал заместителем заведующего агитпропом и в 1935–1937 гг. заместителем заведующего отделом печати ЦК ВКП(б). В 1937–1947 гг. директор издательства ОГИЗ. В 1939–1944 гг. директор Института философии АН СССР.

³⁸ Первый пленум Оргкомитета Союза советских писателей проходил с 29 октября по 3 ноября 1932 г. На нем присутствовали более 500 писателей из всех республик. Подробнее см.: Советская литература на новом этапе. Стенограмма первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября — 3 ноября 1932 г.). М.: [Б. и.], 1933.

³⁹ Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–1997) — литературовед, критик. В 1932–1936 гг. — заведующий сектором художественной литературы ЦК ВКП(б), секретарь Оргкомитета Союза писателей СССР. Профессор, автор книг о Д.И. Писареве, М.Е. Салтыкове-Щедрине, М.А. Шолохове и Л.М. Леонове. Написал книгу «Наследие Пушкина и коммунизм» (1937). Во время Великой Отечественной войны являлся секретарем А.А. Фадеева и был оставлен возглавлять Союз писателей в дни эвакуации. После войны работал в ИМЛИ, увлекся полузапрещенным в то время Ф.М. Достоевским. За это его сместили с поста заместителя директора. В 1949 г., в период так называемой «борьбы с космополитизмом», Кирпотина уволили из ИМЛИ (как еврея и «космополита») и исключили из компартии. Но еще будучи заместителем директора ИМЛИ, 6 декабря 1946 г. Кирпотин успел выступить на расширенном заседании президиума Союза писателей и заклеить вместе со всеми книгу М.М. Зощенко «Перед восходом солнца» (1943) как произведение антихудожественное, чуждое интересам народа. В период хрущевской оттепели Кирпотин вернулся к научно-преподавательской деятельности, заведовал кафедрой истории русской литературы Литературного института Союза писателей СССР; занимался преимущественно творчеством Достоевского. В разговоре с К. Кедровым сказал о соцреализме: «“Разгромом” началось — разгромом и кончилось».

⁴⁰ Второй пленум Оргкомитета Союза советских писателей проходил с 12 по 19 февраля 1933 г. под председательством Гронского.

⁴¹ 12 февраля 1933 г. на Втором пленуме Оргкомитета Союза советских писателей А.В. Луначарский сделал доклад, озаглавленный «Социалистический реализм» (впервые опублик. с сокращениями, по обработанной стенограмме в «Литературной газете» (1933. № 10. 28 февраля) под названием «Пути и задачи советской драматургии»; в более полном виде — в журнале «Советский театр» (1933. № 2–3. Февраль — март) под заглавием «Социалистический реализм»). В докладе Луначарский задавался вопросами: что такое отрицательный реализм, нужна ли романтика и может ли существовать социалистическая трагедия? В Отделе рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького хранится стенограмма первой части доклада, выправленная, по-видимому, Гронским. В тексте стенограммы доправки интересующее нас место выглядело так: «Если мы возьмем русские литературные формы реализма, то здесь мы найдем либо реализм, отражающий ту или другую утопию (как у Толстого), либо реализм, освещаемый светом бездарного бескостного либерализма (тургеневская школа), либо натуралистический реализм, либо, наконец, реализм с изводом в романтику — нерешительный отход от действительности» (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 16. Ед. хр. 18. Л. 8).

⁴² Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) — советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1943 г.). Член РКП(б)/ВКП(б) с 1918 г., член ЦК ВКП(б) (1939–1945 гг.), кандидат в члены Политбюро ЦК (1941–1945 гг.). Депутат Верховного Совета СССР (1937–1945 гг.). Участник гражданской войны, учился в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова (1921–1924 гг.), затем в Институте красной профессуры (1930–1932 гг.). В 1932–1934 гг. заместитель заведующего Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б), в 1934–1935 гг. заместитель заведующего Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б). С 1934 г. оргсекретарь Союза писателей

СССР (председатель — Горький), куратор Союза писателей по линии ЦК, с 1935 г. по совместительству заведующий Отделом культпросветработы ЦК. В 1936–1937 гг. 2-й секретарь Ленинградского обкома партии (при первом — А.А. Жданове).

⁴³ А.А. Жданов сменил на этом посту С.М. Кирова. Жданов Андрей Александрович (1896–1948) — партийный и государственный деятель, генерал-полковник (1944 г.). С 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), позднее член Политбюро ЦК ВКП(б) (1939 г.). Организатор Первого съезда советских писателей. С 1930-х гг. влиятельный идеолог партии, титульный соавтор (вместе со Сталиным и Кировым) замечаний по основным принципам изучения и преподавания истории (1934, опубл. 1936). Участвовал в создании «Краткого курса истории ВКП(б)». После гибели Кирова, с 1934 по 1945 г. 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), член Военного совета Ленинградского военного округа (1935–1941 гг.; в июне 1941 г. на базе округа создан Северный фронт, позже разделенный на Ленинградский и Карельский фронты). Член ИККИ (1935–1943 гг.). В августе 1946 г. выступил с докладом, осуждавшим творчество А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко. Доклад Жданова лег в основу партийного постановления «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» (1946).

⁴⁴ Каменев Лев Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1883–1936, репрессирован) — партийный и государственный деятель, председатель Моссовета, заместитель председателя СНК, председатель СТО, член Политбюро. Как публицист известен Горькому с 1905 г., участвовал в горьковском журнале «Летопись». В газете «Новая жизнь» Горький опубликовал письмо Каменева против вооруженного восстания. В 1919–1921 гг. Горький часто общался с Каменевым, защищая жертв «красного террора». В 1921 г. произошел разрыв их отношений после закрытия Каменевым как председателем Всероссийского Помгола его Петроградского комитета, возглавляемого Горьким. Переписка Горького с Каменевым возобновилась в 1923 г. в связи с организацией Института Ленина и сбором материалов для него, а личные отношения — в 1927 г., когда Каменев стал полпредом в Италии. Как член оппозиции он был отозван, исключен из партии и сослан. Впоследствии по рекомендации Горького занимал ряд постов в издательствах, в том числе в 1934 г. по ходатайству Горького стал директором издательства «Academia», был директором Института литературы в Москве и Ленинграде. Горький смог добиться включения Каменева в Правление ССП, но не в президиум. В 1934 г. после убийства Кирова Каменев был снова исключен из партии, арестован, через два месяца после кончины Горького судим по делу «троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян в 1936 г. (реабилитирован в 1988 г.). Переписка Горького и Каменева опубликована (см.: *Спиридонова Л.А. «Я вас сердечно любил...» (М. Горький и Л. Каменев) // М. Горький. Неизданная переписка. 2-е изд. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 228–274. (М. Горький. Материалы и исследования; вып. 5))*.

⁴⁵ Бухарин Николай Иванович (1888–1938, репрессирован) — партийный и государственный деятель. Член ЦК партии (1917–1934 гг.), академик АН СССР (1929 г.). В течение многих лет — главный редактор газеты «Правда», партийный идеолог, ведущий экономист-теоретик РКП(б). В 1928 г. выступил против усиленной коллективизации. Пленум ЦК назвал позицию Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского «правым уклоном» (в противоположность «левому уклону» Троцкого), а сам Бухарин был снят с занимаемых

постов. По ходатайству Горького после смещения Гронского получил пост ответственного редактора газеты «Известия» (1934–1937 гг.). С Бухариным были связаны надежды интеллигенции того времени на смягчение по отношению к ней политики режима (он заступался за Мандельштама и Пастернака, благодаря личным отношениям со Сталиным, с которым он был на «ты»). Дружеские отношения связывали Бухарина с Горьким, их переписка не прекращалась и после отъезда Горького за границу. По просьбе Горького как председателя Оргкомитета на Первом съезде советских писателей Бухарину был поручен доклад о поэзии, в котором он противопоставил Пастернака Маяковскому и Д. Бедному. В 1936 г., в ходе Первого московского процесса (над Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым и др.), были собраны показания для Второго московского процесса над Бухариным, Рыковым и Томским, которые были осуждены по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Реабилитирован (1988 г.).

⁴⁶ Радек Карл Бернгардович (наст. имя Кароль Собельсон (нем. Karol Sobelsohn; 1885–1939, репрессирован) — советский политический деятель, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП(б); в 1920–1924 гг. член Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия». Учился в Краковском и Бернском университетах. Член РСДРП с 1903 г. С начала Первой мировой войны занял интернационалистскую позицию, эмигрировал в Швейцарию. Во время войны сблизился с В.И. Лениным. В ноябре 1917 г. становится заведующим Отделом внешних сношений ВЦИК, участвует в переговорах в Брест-Литовске. С 1923 г. Радек — активный сторонник Троцкого. В 1927 г. исключен из ВКП(б) и Особым совещанием при ОГПУ приговорен к четырем годам ссылки и выслан в Красноярск. В 1930 г. Радек заявил о разрыве с троцкизмом и был восстановлен в партии. Работал в газете «Известия», написал книгу «Портреты и памфлеты» (1927), где восхвалял Сталина. В 1936 г. вновь исключен из ВКП(б) и арестован. Обвинялся по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» (Второй московский процесс). Приговорен к 10 годам тюрьмы, отправлен в Верхнеуральский политизолятор, где был убит. Реабилитирован (1988 г.).

⁴⁷ Енукидзе Амель Сафронович (1877–1937, репрессирован) — советский государственный и политический деятель. Член ЦК ВКП(б) (1934–1935 гг.). В 1922–1935 гг. Енукидзе являлся председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. В 1925–1927 гг. председатель Комиссии по контролю за повседневной деятельностью Академии наук. Постановление ЦИК СССР, вышедшее 1 декабря 1934 г., в день убийства С.М. Кирова, об изменениях в Уголовно-процессуальном кодексе (ускорение сроков расследования дел обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов, слушание дел без участия защиты, приведение в исполнение смертных приговоров особо опасным преступникам немедленно) было подписано лишь секретарем ЦИК Енукидзе, без подписи М.И. Калинина.

⁴⁸ Орджоникидзе Григорий Константинович (парт. прозвище Серго; 1886–1937) — известный грузинский революционер-большевик, советский государственный и партийный деятель. Член ЦК РСДРП(б). Занимал руководящие партийные посты в Закавказье. С 1930 г. — председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности, член Политбюро ЦК ВКП(б). Преданный сторонник Сталина, Орджоникидзе не смог согласиться с унич-

тожением «старых большевиков». В начале 1930-х гг. Сталин убрал выдвиженцев и товарищей Орджоникидзе с руководящих постов в Закавказье, что сопровождалось резкими конфликтами между вождем и его соратником, который не поддержал курс на массовые репрессии.

⁴⁹ Скворцов-Степанов Иван Иванович (также И. Степанов, наст. фам. Скворцов; 1870–1928) — советский государственный и партийный деятель, публицист, историк, экономист. В 1917 г. — член Московского комитета РСДРП(б), редактор «Известий Московского совета», член редколлегии газеты «Социал-демократ». В 1918–1924 гг. сотрудник газеты «Правда», член редколлегии издательства ЦК РКП(б) «Коммунист», заместитель председателя Всесоюзного совета рабочей кооперации, заместитель председателя редколлегии Госиздата, член правления Центросоюза. С 1925 г. член ЦК ВКП(б). Один из создателей политической цензуры. С 1925 г. ответственный редактор газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (на этом посту его сменил Гронский), заместитель ответственного секретаря газеты «Правда» (1927 г.), директор Института Ленина при ЦК ВКП(б) (1926 г.). Ярый атеист, вместе с председателем Союза воинствующих безбожников Емельяном Ярославским — один из инициаторов агрессивной атеистической пропаганды. В газетах «Громил» Троцкого, Зиновьева и Каменева.

⁵⁰ Рыков Алексей Иванович (1881–1938, репрессирован) — советский политический и государственный деятель, нарком внутренних дел РСФСР (1917 г.), председатель Совета народных комиссаров СССР и РСФСР (сменил на этом посту Ленина, 1924–1930 гг.). В 1928–1929 гг. выступал против свертывания НЭПа, форсирования индустриализации и коллективизации, что было объявлено «правым уклоном» в ВКП(б). На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. была принята резолюция, осуждающая «правый уклон», лидерами которого были объявлены Рыков вместе с Бухариным и Томским. После пленума они утратили свое политическое влияние, хотя Рыков формально продолжал оставаться членом Политбюро и председателем Совнаркома СССР. В 1930 г. снят с поста председателя Совнаркома СССР и выведен из состава Политбюро. В 1936 г. снят с поста наркома связи, куда был переведен в 1931 г. В 1937 г. исключен из партии и арестован. Обвиняемый на Третьем московском процессе по делу «правотроцкистского антисоветского блока», он был расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

⁵¹ Большой резонанс вызвал 24-страничный доклад Николая Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР», он цитировал стихи К.Д. Бальмонта и Гумилева, а Пастернака назвал первым из советских поэтов. По его мнению, стихов Маяковского и Д. Бедного, сводимых к агитке, уже было недостаточно. Его выступление стало поводом для полемики, в которой участвовали Александр Безыменский и Демьян Бедный. Бухарин призвал в рамках соцреализма сохранить творческую свободу поэтов и отказаться от обязательных директив в этой области. В докладе же Карла Радека «Современная мировая литература и задачи пролетарских писателей» литературе уделялось куда больше места, нежели задачам. И это впечатляло, несмотря на то, что Радек противопоставлял, к примеру, «Улисс» («Ulysses», 1922) Дж. Джойса социалистический реализм. Подробнее об этом см.: *Спиридонова Л.А.* Горький и Сталин: уступка за уступку// Литературная газета. 2009. № 33–34. 26 августа — 1 сентября.

⁵² Ср.: «Сталину были посланы тексты по крайней мере двух докладов на съезде: доклада Горького и доклада Бухарина. Очевидно, что письма и материалы Горького отправлялись в строго конфиденциальном неподцензурном порядке. Почтовики из Особого сектора ЦК не распечатывали горьковские конверты и пакеты. У патриарха было беспрецедентное право апеллировать к вождю без посредников» (*Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие*).

⁵³ Ср., напр., в ответном письме Сталина Жданову от 6 сентября 1934 г. о Первом съезде советских писателей: «Спасибо за письмо. Съезд в общем хорошо прошел. Правда: 1) доклад Горького получился несколько бледный с точки зрения советской литературы; 2) Бухарин подгадил, внеся элементы истерики в дискуссию (хорошо и ядовито отбрил его Д. Бедный); а ораторы почему-то не использовали известное решение ЦК о ликвидации РАППа, чтобы вскрыть ошибки последней, — но, несмотря на эти три нежелательные явления, съезд все же получился хороший» (цит. по: *Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. Окончание* // Вопросы литературы. 2003. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/5/maks.html> (дата обращения: 20.09.2017). — Рукописный автограф Сталина хранится: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 18–20, 17).

⁵⁴ Имеется в виду Б.Л. Пастернак.

⁵⁵ Уже 2 сентября 1934 г. «Правда» напечатала «Заявление тов. Н.И. Бухарина в президиум съезда писателей». В тексте за подписью Бухарина утверждалось: «Ввиду того, что резкость моего заключительного слова вызвала ряд возмущений и запросов, считаю неизбежным заявить, что я действительно допустил слишком резкие заявления и выпады по адресу некоторых товарищей поэтов». В этом заявлении отмечалось, что «официальная канонизация отдельных авторов точно так же была бы неправильной». «Если кто-либо понял меня так, что оценки отдельных авторов, как поэтов, давались мной в качестве обязательных директив, то это — явное недоразумение». Рукопись обращения к президиуму съезда писателей, сохранившаяся в личном фонде Бухарина в РГАСПИ, существенно отличается от опубликованного в «Правде» текста. Напечатанная версия обращения звучит как репетиция большевистского покаяния с признанием вины на будущих показательных процессах. Черновик — как вполне спокойное и деловое объяснение:

«В Президиум съезда писателей.

Дорогие товарищи!

Прошу Вас огласить на съезде следующее разъяснение по поводу моего заключительного слова:

Ряд товарищей, а также и других, обращались ко мне с вопросом, не является ли мое заключительное слово определенным курсом на ликвидацию ряда наших поэтов.

На это я могу ответить только так:

1. В моем докладе дана очень высокая оценка творчества таких поэтов, как Д. Бедный. Также дана достаточно высокая оценка творчества Безыменского и ряда других. Мне и в голову не приходило «ликвидировать» этих поэтов. Резкость моего заключительного слова объясняется резкостью нападок и их глубокой, с моей точки зрения, несправед-

ливостью. К сожалению, я допустил здесь в полемическом увлечении некоторые (нрзб) резкие выражения, кои могли послужить поводом для выводов, отнюдь не входивших в мои расчеты.

2. Я вполне согласен с тем, что необходимо творческое соревнование и что наибольшую опасность представляет бюрократизация творческих процессов, о чем говорил на съезде тов. Стецкий. (Этот фрагмент полностью отсутствует в письме, опубликованном в «Правде». — Л. М<аксименков>.)

3. Я еще раз подчеркиваю, что в своем докладе и заключительном слове я развиваю мысль о монументальной и синтетической поэзии, отражающей величие эпохи, со всем ее революционным героизмом и пафосом борьбы. Только такое творчество действительно адекватно делу пролетариата, делу Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина. Н. Бухарин (Рукописный подлинник. РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 171)» (цит. по: *Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946)*. Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. Окончание).

⁵⁶ Луппол Иван Капитонович (1896–1943, репрессирован) — ученый-философ, литературовед, автор трудов по истории философии. Профессор (1935 г.), академик АН СССР (1939 г.). Окончил философское отделение Института красной профессуры. Его исследование «Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения» (1924) стало одной из первых диссертационных работ этого института. С 1924 по 1927 г. работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, в президиуме Общества воинствующих материалистов, состоял профессором кафедры исторического материализма этнологического факультета МГУ (1925–1931 гг.), заведовал кафедрой марксистско-ленинской философии Института красной профессуры (1925–1938 гг.). Входил в редакцию журналов «Революция и культура», «Научный работник», «Научное слово» и «Советский музей». В 1929–1933 гг. руководил Главнаукой (с 1930 г. сектор науки Наркомпроса РСФСР). С 1934 г. — член Правления Союза писателей СССР. В 1935 г. вошел в директорат Института русской литературы (Пушкинский дом), директор и один из организаторов Института мировой литературы им. А.М. Горького (1935–1941 гг.).

⁵⁷ См. об этом в письме Гронского Сталину во вступ. ст.

⁵⁸ Причины упоминания Л.З. Мехлиса в связи со сплетнями отчасти раскрыты в письме Гронского Сталину, предположительно датированном 15 мая 1933 г.: «Во время колхозного съезда происходил Пленум Оргкомитета Союза советских писателей. Я с 11 утра до 11 ночи сидел на Пленуме Оргкомитета. Уходил только два раза часа на два-три, чтоб подготовиться к выступлению на пленуме. И, однако, из того факта, что я не мог часто бывать на колхозном съезде, некоторые товарищи (Мехлис, в частности), сделали вывод, что я пьянствовал, и эту сплетню довольно широко распространили» (цит. по: *Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956* / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Л.В. Максименков. М.: МФД: Материк, 2005. С. 293–294. (Россия. XX век)).

Мехлис Лев Захарович (1889–1953) — в описываемое время заведующий Отделом печати ЦК, главный редактор газеты «Правда». В 1921–1922 гг. работал в аппарате Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, под непосредственным руководством Сталина.

В 1922–1926 гг. — помощник секретаря и заведующий бюро секретариата ЦК, фактически личный секретарь Сталина.

В 1926–1930 гг. учился на курсах при Комакадемии и в Институте красной профессуры. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934–1937 гг.), позднее член ЦК ВКП(б) (1937–1953 гг.), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1938–1952 гг.). В 1937–1940 гг. — заместитель наркома обороны и начальник Главного политуправления Красной армии; генерал-полковник (1944 г.).

⁵⁹ Этот случай описывают в своих воспоминаниях К.Л. Зелинский (см.: *Зелинский К. Одна встреча у М. Горького: (Запись из дневника) / Публ. А. Зелинского // Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 156*) и Ф.А. Березовский (отрывки из его рукописи, озаглавленной «Встречи», приводятся Кирпотиным в своей книге, см.: *Кирпотин В.Я. Ровесник железного века*).

⁶⁰ Пильняк Борис Андреевич (наст. фам. Вогау, 1894–1938, репрессирован) — русский писатель, из поволжских немцев. Председатель Всероссийского союза писателей. Автор романов «Голый год» (1922), «Машины и волки» (1925), «Волга впадает в Каспийское море» (1930), «О'кей! Американский роман» (1931), «Соляной амбар» (1937) и др. Против Пильняка проводились критические кампании, однако он оставался вплоть до 1937 г. одним из самых издаваемых писателей. В 1926 г. Пильняк пишет «Повесть непогашенной луны», основанную на распространенных слухах об обстоятельствах смерти М. Фрунзе и участии в ней Сталина. Книга вызвала скандал. В 1929 г. он отстранен от руководства Всероссийским союзом писателей за публикацию за границей повести «Красное дерево». Современники увидели в этом факте проявление контрреволюции. В 1937 г. арестован и в 1938 г. расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии (о поездке в Японию он написал книгу «Корни японского солнца»). Реабилитирован (1956 г.).

⁶¹ Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) — писатель и общественный деятель. Автор социально-исторических и научно-фантастических романов, повестей и рассказов, публицист. Лауреат трех Сталинских премий (1941, 1943 гг., 1946 г., посмертно). В 1918–1923 г. находился в эмиграции. На Первом съезде писателей выступил с докладом о драматургии. Участник Первого (1935 г.) и Второго (1937 г.) конгрессов писателей в защиту культуры. Участник поездки писателей в августе 1933 г. на Беломорско-Балтийский канал. В 1936–1938 гг., после смерти Горького, Толстой возглавил Союз писателей СССР.

⁶² Новиков-Прибой Алексей Силыч (наст. фам. Новиков; 1877–1944) — российский и советский писатель-маринист.

⁶³ Федин Константин Александрович (1892–1977) — писатель, первый секретарь (1959–1971 гг.) и председатель правления (1971–1977 гг.) Союза писателей СССР, академик АН СССР (1958 г.). Герой Социалистического Труда (1967 г.). С 1921 г. участник литературной группы «Серапионовы братья». В 1927 г. принял участие в коллективном романе «Большие пожары», публиковавшемся в журнале «Огонёк». Закончил творческий путь классиком советской литературы (трилогия «Первые радости» (1945), «Необыкновенное лето» (1947) и «Костер» (1961)). Автор мемуарных книг «Писатель, искусство, время» (1957, доп. изд. 1961), «Горький среди нас» (1941–1968).

⁶⁴ Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) — писатель, лауреат Нобелевской премии, депутат, лауреат Сталинской премии, академик, дважды Герой социалистическо-

го труда. Автор «Донских рассказов» (1926), романа-эпопеи «Тихий Дон» (1928). В начале 1930-х гг. оказался в районе «сплошной коллективизации», ужасы голодомора на Дону были далеки от колхозной идиллии «Поднятой целины» (1-я книга — 1932, 2-я — 1960). Шолохов пишет письма Сталину. Сталин благосклонно отнесся к ним — ответил Шолохову письмом, телеграммами, прислал голодающим эшелон с зерном. В 1939 г. в творческой судьбе Шолохова совершается перелом: избежав ареста, к началу войны он прочно занимает положение одного из первых писателей советской страны. На фронте Шолохов — корреспондент «Красной звезды» и «Правды» — начинает писать роман «Они сражались за родину» (1943). Книга так и осталась неоконченной.

⁶⁵ Речь идет о жене Горького, его невестке, сыне и секретаре, соответственно.

⁶⁶ Яковлев Василий Николаевич (1893–1953) — живописец, народный художник РСФСР (1943 г.). Лауреат двух Сталинских премий (1943, 1949 гг.). Из богатой купеческой семьи. С 1911 г. учился на физико-математическом факультете МГУ, попутно посещая студию В.Н. Мешкова. В 1914–1917 гг. учился в МУЖВЗ (у К.А. Коровина, А. Е. Архипова, С.В. Малютина и др.). Преподавал во ВХУТЕМАСе (1918–1922 гг.), в МАРХИ (1934–1936 гг.), МГАХИ им. В.И. Сурикова (1948–1950 гг.). С 1926 по 1932 г. работал художником-реставратором в ГМИИ им. А.С. Пушкина, с 1930 г. заведовал отделом реставрации. Главный художник ВСХВ (1938–1939, 1949–1950 гг.). В 1952 г. вместе с П.П. Соколовым-Скаля руководил реставрацией панорамы «Оборона Севастополя».

⁶⁷ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938, репрессирован) — один из главных руководителей советских органов госбезопасности, нарком внутренних дел СССР (с 1935 г.), первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности», нижегородец, земляк Горького. С 1920 г. — на руководящих постах в органах госбезопасности — ВЧК, с 1924-го — заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР. В 1933 г. Ягода был награжден орденом Ленина за строительство Беломорканала. После возвращения Горького в СССР проявлял к нему и его семье особое внимание, постоянно посещал писателя в Москве, Горках. При его содействии Горький знакомился с жизнью колоний и лагерей для несовершеннолетних преступников (Большевская коммуна, Куржская колония и др.), совершил поездку в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ), на строительство канала Москва — Волга и в другие места. Горький неоднократно обращался к Ягоде с запросами и ходатайствами о заключенных и по поводу выезда за границу разъединенных семей. Их переписка хранится в Архиве Горького (опубл. в изд.: Неизвестный Горький. М.: Наследие, 1994. (М. Горький. Материалы и исследования; вып. 3)). В 1938 г. арестован и расстрелян. Не реабилитирован.

⁶⁸ Халатов Артемий Баградович (наст. имя Халатьян Арташес; 1896–1937, репрессирован) — советский партийный деятель. В 1919–1921 гг. начальник главного управления по снабжению Красной армии и флота. С 1921 г. председатель ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых), где работал с Горьким. В 1927–1932 гг. был председателем Правления Госиздата. В эти годы особенно близкими были его отношения с Горьким, он состоял с ним в постоянной переписке по делам Госиздата и по вопросам учреждения новых газет и журналов.

⁶⁹ Речь идет о продаже художественных ценностей за границу — одним из важных источников дохода Советской власти. Вероятно, Гронский имеет в виду близкое ко

времени встречи у Горького постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 июня 1932 г. о продаже картин Харменса ван Рейна Рембрандта («О картинах Рембрандта»), в котором говорилось: «Обязать Наркомпрос немедленно выдать запрожденные Всесоюзным объединением “Антиквариат” 3 картины художника Рембрандта: 1. “Монах” (находится в музее изобразительных искусств в Москве); 2. “Пейзаж” и 3. “Отречение Петра” (в Гос<ударственном> Эрмитаже в Ленинграде)» (цит. по: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: МФД, 2002. С. 179; подлинник постановления хранится РЦХИДНИ). Стецкий в 1934 г. по поручению Сталина изучил жалобу сотрудников Эрмитажа, и благодаря подготовленным им документам хищническая продажа картин из коллекции Эрмитажа была остановлена. Р. Роллан записывает в своем дневнике за 1935 г. разговор на эту тему с членами сталинского руководства: «Молотов говорит со мной об экспорте произведений искусства, которые были проданы за границу в целях приобретения иностранной валюты. Теперь уже нет такой нужды в иностранной валюте, и экспорт приостановлен. Впрочем, не продано ничего значительного. И Молотов спокойно добавляет такую великолепную фразу (позже повторенную Кагановичем): “В сущности, какая нам разница, в Англии они находятся или в Америке? Рано или поздно они все равно будут обобществлены и, значит, навсегда будут нашими”» (Роллан Р. Московский дневник // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 241).

⁷⁰ Палешане — мастера народного промысла палехской миниатюры, развившегося в поселке Палех Ивановской области. Палех еще с допетровских времен славился своими иконописцами. После революции 1917 г. художники Палеха были вынуждены искать новые формы реализации своего творческого потенциала. В 1924 г. палехские художники объединились в Артель древней живописи. В 1925 г. палехские миниатюры экспонировались на Всемирной выставке в Париже. Союз художников Палеха возник в 1932 г. В 1935 г. артель была преобразована в Товарищество художников Палеха. В 1928 г. в Палехе открылась профтехшкола древней живописи, которая затем была преобразована в художественный техникум.

⁷¹ Имеется в виду книга «История русской живописи в XIX веке» (1902) известного историка искусства, русского художника, художественного критика, основателя и идеолога объединения «Мир искусства» Александра Николаевича Бенуа (1870–1960), раскрывающая широкую панораму развития русской живописи в 19-м столетии. Книга является классикой отечественного искусствоведения и замечательным памятником Серебряного века, она пронизана личным отношением Бенуа к творчеству художников.

⁷² К. Маркс утверждал, что Рембрандт писал Мадонну с голландской крестьянки, подчеркивая тем самым здоровую народную основу его библейских композиций.

⁷³ Имеется в виду издание: Репин И.Е., Стасов В.В. Переписка: В 3 т. М.: Искусство, 1948–1950. Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — русский музыкальный и художественный критик, историк искусств, архивист, общественный деятель. Переписка Репина со Стасовым велась 35 лет, сохранилось более 400 их писем друг к другу.

⁷⁴ «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» — картина Ильи Репина (1880–1891), в настоящее время хранится в Русском музее. В осмыслении данного сюжета Репину, который и сам в достаточной мере знал историю Украины, помогал историк Д.И. Яворницкий. В письме Стасову Репин сообщал: «Чертовский народ! Никто на всем свете не чувствовал так глубоко свободы, равенства и братства. Во всю жизнь Запорожье осталось свободно, ничему не подчинилось!» (*Репин И.Е., Стасов В.В. Переписка.* М., 1949. Т. 2: 1877–1894. С. 56).

* Текст стенограммы публикуется при поддержке гранта РФФИ № 18-52-15031 «Финансирование советской культуры (1917–1941 гг.)».